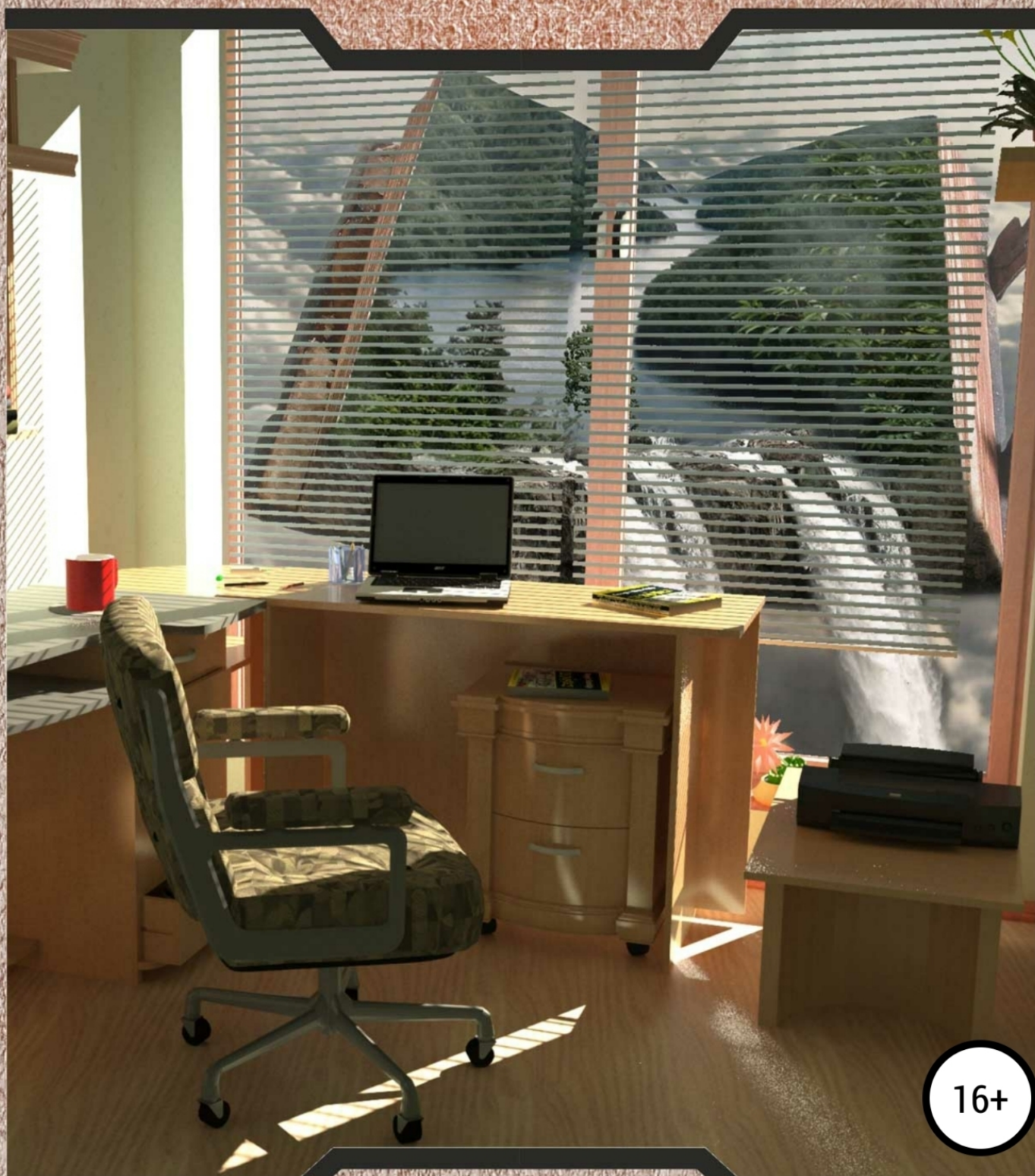

Ярослав Васильев

Дети иного мира

16+

Ярослав Васильев

Дети иного мира

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Васильев Я.

Дети иного мира / Я. Васильев — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Война проиграна, враги объявили побеждённых недочеловеками. Осталось дать последний бой, а самим попробовать отступить в прошлое, в XX век, чтобы изменить ход истории. Вот только время не любит слишком уж грубого вмешательства. Летом 2004 года в России происходит катастрофа, базу гостей из будущего, город и область сначала отрезало от Земли, а затем перенесло. На другую планету? Или в иную Вселенную, где возможна магия, где правят меч, право сильного и тысячелетний Синклит магов.

Содержание

Пролог	5
Интермедия. Пришельцы из никогда	8
Часть I. Победители	10
Глава 1. Дети улицы	10
Глава 2. Счастливчик Гай	18
Глава 3. Наперегонки с мгновением	23
Глава 4. Взгляд со стороны	26
Глава 5. Гости съезжаются	29
Глава 6. Большая встреча	33
Глава 7. Катастрофа – часть первая	37
Часть II. Клетка	41
Глава 1. Катастрофа – часть вторая	41
Глава 2. Граница будущего	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Ярослав Васильев

Дети иного мира

Пролог

В полутьме командного зала флагмана на больших голографических экранах мерцали карты, отображая расположение кораблей флота, негромко звучали доклады операторов. Гранд-адмирал Хайтэк слушал их, не вдумываясь в содержание: в мыслях он уже примерял на себя регалии губернатора одной из новых провинций Содружества свободных планет. Осталось лишь разгромить остатки космофлота Империи – но Хайтэк в результате грядущего сражения не сомневался. У него перед врагом преимущество по тоннажу ударной группировки почти в два с половиной раза.

Корабельный воздух пах сосновой хвоей. Дерево оказалось самым неприхотливым, выращивалось чуть ли не на каждой освоенной людьми планете, потому-то его иголки и применялись для производства ароматизаторов. После нескольких месяцев в космосе запах раздражал – но только не сейчас. Сегодня аромат хвои напоминал адмиралу о последнем указе проконсулов: отказавшиеся сдаться подданные императора считаются отныне не людьми, а животными.

«Точно, – наконец оформилась мысль, ведь большую часть имперского конвоя составляли транспорты с беженцами, – прикажу, чтобы перед зачисткой мне отобрали с пару десятков зверушек... Посимпатичнее и помоложе».

Хайтэк уже начал мысленно набрасывать список требований для будущего гарема, когда экраны на пару секунд посерели – флагманский линкор прошёл точку гиперпрыжка. И тут же зазвучал зуммер тревоги.

– Флот противника – север три часа! – один за другим посыпались доклады с кораблей авангарда.

– Модуль скорости – пятнадцать точка три.

– Предположительная развёртка атаки – через двадцать минут!

Мечты о губернаторской цепи и гареме были отброшены в сторону. Командующий имперским конвоем Александр Рот – слишком серьёзный противник, репутация «не проигравшего ни одного сражения» просто так не рождается. Впрочем, и Хайтэк не новичок в подобных играх. Гранд-адмирал быстро начал отдавать приказы. Прикрыть линкорами точку перехода. Обеспечить защиту вспомогательных судов. Как только транспорты закончат переход, выстроить линкоры полусферой.

Среди имперцев в эфире царило молчание – каждый знал свою задачу заранее. Лишь перед самым началом Рот передал всем короткое напутствие: «Помните, нужно всего пятьдесят минут, пока транспорты скроются в прыжковом веере, а след погаснет!»

Корабли ринулись навстречу друг другу. Имперцы не стали формировать атакующий конус: вместо этого в центре их боевого порядка выстроились лёгкие суда, а линкоры компактными группами заняли позицию на флангах. Получив преимущество в размерах плоскости фронта, Рот стал охватывать с флангов контратакующую группировку противника.

Командующий Содружества миров приём оценить сумел и мгновенно отдал приказ:

– Нечётные линейные номера. Идёте на прорыв, – тут же начала движение первая половина линкоров. – Чётным линейным номерам – приготовиться к атаке.

Расчёт Хайтэка был прост: когда Рот закончит окружение, попытается ударить своими линкорами в спину – по нему ударят чётные номера. Лёгкие корабли врага ничего сделать не смогут, а основные силы имперцев будут сжаты, словно клещами, бронированными тушами тяжёлых судов Альянса.

Засверкали первые залпы, тактический вычислитель тут же начал рисовать на главном экране рубки и личных мониторах адмирала и его заместителей текущую картину боя и прогнозы. Передовая группа наступавших линкоров остановилась перед плоскостью крейсеров и эсминцев. Юркая мошकारа помчалась вперёд, роем окутывая то один, то другой корабль Хайтека. Зазвучали рутинные доклады.

– Уничтожено пятнадцать процентов крейсеров.

– Линкоры «Игл» и «Рокот» потеряли ход.

– Линкоры первой волны доложили о падении средней огневой мощи на двадцать процентов.

– Линкор «Свободный» выходит из боя, протаранен эсминцем.

– Уничтожено сорок процентов лёгких судов противника.

– Имперский флот начал отступление.

Хайтэк внимательно следил, изредка вмешиваясь в рисунок боя. Вот плоскость из крейсеров и эсминцев прогнулась в полусферу. Вот полусфера отодвинулась в обратном направлении. Начинают разворот линкоры Рота.

– Чётные линейные номера в атаку.

И тут же командный зал вздрогнул вместе с остальным кораблём, компенсаторы не смогли до конца погасить инерцию чудовищной туши линкора. Навстречу имперцам сдвинулась вторая волна. Снова зазвучали монотонные доклады.

– До огневого контакта десять минут.

– Противник снижает скорость медленнее расчётного. До огневого контакта шесть минут.

Несколько секунд Хайтэк взвешивал изменившуюся ситуацию. Адмирал Рот решил сначала атаковать вторую половину линкоров, надеясь, что лёгкие корабли сумеют надолго задержать первую? Тогда его ждёт неприятный сюрприз. Новые модели линкоров могут за раз выпустить почти вдвое больше торпед, чем раньше.

– Нечётным линейным номерам продолжать атаку лёгких кораблей до полного уничтожения противника, – прозвучал приказ. – Чётным номерам открывать огонь самостоятельно по готовности.

И тут же пол ощутимо задрожал, это линкор начали покидать торпеды. Их задача – перегрузить защиту противника, заставить плазмопушки работать в режиме зенитной обороны, а не стрелять по кораблям противника.

– До огневого контакта одна минута.

Аромат сосен в воздухе сменил кислый запах: по торпедам противника заработали собственные плазмопушки, и регенераторы корабля перешли в экономичный режим работы. На мониторе Хайтэка в отдельном окне побежали цифры секунд до огневого контакта. Пятнадцать. Десять. Пять. Ноль.

– Какого чёрта! – не удержался кто-то из операторов.

Хайтэк промолчал, хотя был согласен. Имперские линкоры неожиданно резко увеличили скорость. Не открывая огня, перебросив всю энергию на двигатели и щиты, корабли адмирала Рота прорвались через строй «свободовцев» и рванулись вперёд. Не получая новых приказов, линкоры Хайтэка продолжали движение вперёд, пока гранд-адмирал и его штаб пытались разгадать задумку Рота. Лихорадочно сыпались доклады, тактические вычислители рисовали на экранах свистопляску кривых и вариантов развития событий. Все в центральном посту искали какое-то объяснение... Ведь не может быть, чтобы Александр Рот попросту бросил погибать лёгкие корабли? Да экипажи от такого самоубийства откажутся!

Хайтэк слишком долго медлил с приказом начать разворот. А потом стало поздно! Эсминцы и лёгкие крейсера всё дальше уводили за собой основные силы Содружества свободных планет. Один за другим они выбрасывали сигнал «погибаю, но не сдаюсь» – но дарили своим товарищам столь драгоценные мгновения. Остальные защитники, тем временем, словно

кровожадные волки, накинулись на транспорты, корабли поиска, танкеры, корабли снабжения – словом, на всё то, без чего не сможет в дальнем походе обойтись даже самый лучший линкор. Капитаны беззащитных тыловых судов дрогнули: никто из них не хотел умирать в последнем бою. Как и задумывал старый адмирал, сломав строй, они беспорядочно бежали в единственную сторону, где не было безжалостного врага – к астероидному полю на месте разрушенной тяготением планеты. И в хаосе из пыли, мелких и больших каменных обломков каждый теперь воевал только за себя...

Сражение закончилось через четыре часа, когда погиб флагман «Неустршимый» – последний из кораблей Имперского военно-космического флота. За то время, пока Хайтек возвращал увлѣкшиеся травлей линкоры к астероидному полю, имперские суда успели уничтожить не только все корабли поиска, но и большую часть танкеров и транспортов. Да и остальные суда Содружества миров после боя выглядели плачевно. И даже последнему матросу было понятно, что им теперь не до травли беззащитных беженцев – суметь бы вернуться домой...

Адмирал Рот и его солдаты выиграли своё последнее сражение.

Беглецы, основав новую колонию, бережно сохранили каждое из имѣн – имѣн тех, кто отдал свою жизнь ради их будущего. Вот только что же на самом деле случилось с героями, в последний миг жизни получившими возможность отступить в далѣкий двадцатый век от Рождества Христова, никто из современников так и не узнал...

Интермедия. Пришельцы из никогда

Сразу после совещания, где мой штаб разрабатывал план нашего последнего сражения, я приказал:

– Гальба, Чарский, Северин. Прошу вас остаться.

Остальные офицеры встретили распоряжение удивлёнными взглядами: что за вопрос адмирал может обсуждать с начальником службы безопасности флота и главным инженером похода? Да в компании с командиром приданной их флоту пехотной дивизии?

Опустевший конференц-зал сразу показался пустым и тихим. Я посмотрел... Нет, не на подчинённых. На старых друзей, с каждым я был знаком больше полувека. Поэтому только с ними и мог обсудить сумасшедшую идею. Возможно, она позволит нам уцелеть в грядущей «мясорубке». А иначе обзвать сражение, план которого только что разработал мой штаб, не получалось.

– Друзья мои, – начал я, обращением показывая – разговор пойдёт неофициально. – Вы, конечно, прекрасно понимаете, что шансов остаться в живых у нас нет. Но я вспомнил об одной из разработок, с которой перед самой войной познакомился в Академии Исследования Пределов Знания. Тамаш, будь добр, расскажи. Ты ведь сразу меня понял.

Гальба и Северин с любопытством посмотрели на Чарского. До войны тот был одним из самых известных физиков во всей Звёздной Ойкумене. Тамаш откашлялся и хорошо поставленным профессорским голосом, словно читал лекцию, начал:

– Я так понимаю, речь идёт о путешествиях в прошлое. Да, это возможно. Хотя дело так и не пошло дальше пробных опытов. Путешествие не в физическом плане – это невозможно. Но сознание, хотя и с некоторыми ограничениями, могло уйти по оси времени назад, в прошлое какого-нибудь обитаемого мира. Сеть военных маяков и ретрансляторов Империи ещё частично функционирует. Она вполне может послужить пространственным маркером для хроноимпульса. А нужную для перехода энергию получать из подрыва реактора. Хроноскачок даже усилит эффект, так что каждый наш подбитый корабль заодно превратится в бомбу.

Я посмотрел на остальных. Гальба понял мою идею сразу.

– Катапультироваться в прошлое, когда корабль не сможет продолжать сражаться? Я думаю, это вариант. Люди согласятся. Да, они и без этого пойдёт в бой. За спиной семьи. Но зная, что шанс выжить есть – будут драться вдвое яростней.

Тамаш, недовольный, что ему не дали закончить, бросил сердитый взгляд и продолжил.

– Если честно, я тоже думал насчёт такого варианта. Поэтому сразу могу дать рекомендации. Точкой выхода из временного потока надо выбрать самое начало информационной эры, не дальше пятидесятого года от первого космического старта. В эту эпоху техника уже вышла из совсем уж примитивного состояния. Потому, опираясь на местную промышленную базу и разницу в знаниях, мы при нужде легко восстановим большую часть современных технических устройств. Матрица сознания вселится в новорождённого младенца соответствующего пола, личность начнёт оживать годам к шести. Но от случая к случаю, полностью мы проснёмся лишь годам к десяти-одиннадцати. Это позволит адаптироваться в непривычном окружающем мире.

Северин тут же отозвался.

– Это даже лучше. Мы ведь уже решили, что снимаем с флотских кораблей молодых матросов и офицеров, меняя на пожилых добровольцев из пехоты и гражданских?

Я кивнул.

– Так вот, – продолжил Северин. – С одной стороны, богатый жизненный опыт облегчит приспособление к новым условиям. С другой... Знать, что получаешь шанс не просто уцелеть, а прожить жизнь ещё раз...

– Решено, – подвёл я итоги. – Жду от вас подготовленных рекомендаций.

Меня прозвали Непогрешимым... Но я тоже человек, и способен ошибиться. «Плотность десанта» сознаний из будущего не могла в момент перехода превышать некую критическую величину – поэтому мы выбрали государство достаточно большое, чтобы оказаться гражданами одной страны. Государство, просуществовавшее достаточно долго: по доступным хроникам, оно сохранилось до самого выхода человечества к звёздам... С расстояния в тысячу лет слишком многое теряется в сносах исторических монографий. Конец двадцатого века оказался Смутным временем. Короткие пятьдесят лет, когда уже исчез СССР, но ещё не возник Евразийский Союз. Поэтому в новом настоящем мы оказались разделены границами свежеразванных государств.

Кто-то погиб. Каким бы ты не был опытным солдатом – трудно выжить, если тебе шесть лет, а в твой дом врываются бородачи с автоматами, чтобы убить «гяуров» ради свободы Независимой Ичкерии. Или приходит чума, потому что гордым маленьким странам Средней Азии больше не по карману сельские врачи, учителя и прочие «тяготы» социализма. Или когда оказываешься на улице в каком-нибудь Львове, Москве или Свердловске, потому что родители запили с горя от внезапно свалившейся нищеты, а твою судьбу похоронили обломки некогда могучего государства.

Второй проблемой оказалось совершеннолетие. В мою эпоху во всех государствах Ойкумены, за исключением единичных ультраконсервативных миров, существовал институт «неполной гражданской дееспособности». Достигнув четырнадцати-пятнадцати лет, любой подросток мог сдать специальный экзамен и получить часть прав и обязанностей взрослых. Хотя список «ограниченных» возможностей отличался в разных мирах очень сильно – от права на голосование до права на государственную службу или совершение финансово-биржевых сделок. В прошлом же оказалось, что возрастом официального совершеннолетия считается только восемнадцатый день рождения, но на практике общество признаёт достаточно взрослым, ответственным и самостоятельным лишь того, кто достиг двадцати двух – двадцати пяти лет.

Это грозило нам смертью. Смертью, которую мы сумели обмануть. Река Хроноса не любит завихрений внутри своего течения. Едва любой из нас достигнет биологического возраста тридцать шесть лет, всех, кто пришёл из будущего, настигнет «обратный резонанс». Время будет стремиться вернуться в свой естественный поток, в течение месяца-двух гости погибнут от болезней или несчастных случаев. Единственный шанс на спасение – до этого момента изменить течение истории так сильно, чтобы оно породило новое русло. Независимую от старой реку времени, где пришельцы станут не чужаками из другой эпохи, а неотъемлемой частью настоящего. Но исторический процесс очень инертен, он не любит перемен и скачков за пределы своего естественного хода. Последующая тысяча лет без труда сгладит любой теракт, любую замену того или иного политического или культурного деятеля. То же самое будет с единичными опережающими время открытиями или необычными идеями. Непонятые, не получившие поддержки в обществе, они быстро зачахнут, станут забавным курьёзом. В лучшем случае – опередившим свою эпоху гениальным прозрением, достойным упоминания самое большее в скучных монографиях специалистов. А десять-двенадцать лет, чтобы сделать что-то значительное, очень мало. Даже для всех разом. Не говоря уж о разбросанных одиночках.

Часть I. Победители

Глава 1. Дети улицы

Семён устало тащился вслед за компанией приятелей, тоскливо размышляя, что в такую погоду не по улице надо шляться, а дома сидеть. Свинцовые тучи и пронизывающий до костей октябрьский ветер хорошему настроению не способствовали. Но отец ушёл в очередной запой – и тому, кто в прошлой жизни имел нормальную семью, лучше мотаться по району, чем слушать пьяные поучения, временами переходящие в рукоприкладство. Каждый раз Семён боялся, что не выдержит и убьёт эту жалкую пародию на родителя. Потому и сбегал. Мать давно уже махнула на тринадцатилетнего сына рукой – слишком независимый и самостоятельный, отдавала все силы и всю ласку послушной младшей дочери. Так что лучше среди пацанов на улице...

От раздумий отвлёк глумливый гогот впереди. Оказалось, пока Семён в задумчивости замедлил шаг, остальные окружили невысокого плотно сложенного паренька лет четырнадцати. Кущее потрёпанное пальто и поношенные ботинки, бледная кожа, короткий ёжик тёмных волос. «Приютский. Точно приютский, – с мысленным вздохом подумал Семён. – И зачем его сюда занесло?» Пацанов из расположенного через дорогу от их района детского дома принято было бить. Никто не знал, откуда взялось это правило, но соблюдалось оно жестоко и неукоснительно. Знали об этом и сиротские – но этот почему-то не побоялся пройти именно через новостройки. Паренёк стоял, прижавшись спиной к стене дома. Спокойно, даже слишком спокойно. Не обращал внимания на скабрёзности, издевательский смех и подступающих недругов. Семён подошёл ближе, надеясь что сможет... Нет, не предотвратить избиение – но остановить, когда голодные до чужой боли приятели слегка насытятся, и можно будет дать мальчишке сбежать без увечий. Тем временем паренёк чуть переменил позу и вполголоса выругался себе под нос.

Несколько ударов сердца Семён не мог поверить – а кровь гулко бухала в ушах, заглушив, казалось, все звуки на улице. Приблудный пацан выругался на имперском койне!..

Андрей возвращался в отвратительном настроении. Здесь, в новом времени и новой судьбе, всё решали деньги. Если они у тебя есть – никто не спросит, как ты их добыл, никто не ткнёт в лицо, что ты сирота. Конечно, со временем это изменится... Но пока от развала Советского Союза прошло всего два года, и тенденции просматривались исключительно к худшему. Андрею ещё надо дожить до той поры, когда страну начнут приводить в порядок.

Ломбард открылся в новостройках на редкость удачно. Охрана всего из двух лбов, место глухое. Даже в нынешнем теле для специалиста по диверсионно-террористическим операциям ограбить киоск труда не составляло. Моральных угрызений по поводу будущих трупов Андрей не испытывал. Сегодня была намечена последняя рекогносцировка, послезавтра налёт... Оказалось, что конкуренты успели первыми. Вместо будки на задворках гаражей Андрея встретил обгорелый остов.

Толпу подростков Андрей заметил ещё издали. Можно было бы оторваться, но сегодня на кружной путь не было ни времени, ни желания. Он и так опаздывал к вечерней проверке, а долготерпение воспитателей не безгранично. Поэтому Андрей прижался к стене дома, чтобы не получить удар со спины. Дождался, пока его окружают, и прикинул план драки. По удару обоим заводилам, затем вырубил самого крепкого из пацанов. А дальше либо через освободившийся просвет уходить в отрыв, либо класть всю толпу. Но уже жёстко, с переломами. Выругавшись себе под нос на неудачный день – на койне, местные матюки воспринимать как бранные слова

так и не получалось – Андрей приготовился к бою... И тут из толпы вынырнул невысокий белообрый пацан, младше остальных на пару лет.

– Оставьте его!

И еле слышно добавил тоже на койне: «Империя, Семён». Дальше, стараясь не выказывать волнения, Семён начал объяснять, что чужак шёл к нему. Что это не какой-то приютский «бычок», что это свой. Пока жили не в новостройках, а в частном секторе – были соседями. А дальше вот батя переехал, а друган «через дорогу» угодил.

Своих бить не принято, даже если они и попали в детдом. Один из заводил пожал руку, уважительно крякнул – хватка у Андрея оказалась железная. Ещё какое-то время было потрачено на прочие формальности, чтобы признать Андрюху своим. Дальше остальная толпа ушла дальше по своим бессмысленным делам, а Семён показал на одну из беседок соседнего детского садика. Любимых чад родители уже разобрали по домам, а курящие компании с пивом не собрались из-за неподходящей погоды. Лучшего места для приватного разговора было не найти.

Первым начал Андрей, видя, что паренёк никак не может справиться с волнением.

– Майор Северин, отдел специальных операций четвёртого гренадерского корпуса. Последняя приписка – линкор «Радежа».

Семён, ещё не до конца придя в себя оттого что наконец-то услышал такую родную и такую далёкую речь, помотал головой, словно сбрасывая тяжёлый туман, наполнивший мысли, и ответил:

– Инженер-лейтенант Оргенсен, лёгкий крейсер «Доннау», – потом до сознания дошла фамилия, Семён невольно «щёлкнул» невидимыми каблуками военной униформы. И с неожиданной горячностью, спешно и глотая слова, быстро заговорил. – Скажи! Все эти годы... меня мучило одно... Как мы? Мы... победили?

Андрея осветила улыбка, а сквозь детское лицо, казалось, проступили иные, чужие черты. Это смотрелось дико и даже страшно, но Семён ничего не замечал.

– Мы победили! Нас подбили только через три часа, уже в астероидах. И все «ищейки» к тому времени пошли на корм духам пустоты! Последнее, что я успел увидеть – как «Луара» сцепилась с тремя линкорами «свободовцев», пока «Слава» и «Оскол» жгли пытавшихся ударить заправщиков. Этим олухам не то что преследовать – домой на вакууме добираться будут, – и хрипло рассмеялся.

Дальше Андрей уже нормальным голосом спросил:

– Ещё кого из наших нашёл?

– Нет. Хотя и пытался...

– Пока нас трое... В приюте ещё одна. Здесь её зовут Лена Куницына. Младше меня на год.

– Повезло...

– Как сказать, – горько усмехнулся Андрей. – То, что встретились... Только вот перед этим такого нахлебались...

Они проговорили почти до восьми, когда Андрей сказал, что ему надо бежать к вечерней проверке, хотя он всё равно опоздал. На территорию детского дома опять пришлось перебираться через ограду. Хорошо хоть уже стемнело, а даже самое примитивное видеонаблюдение периметра – норма времени Северина – в конце двадцатого века оставалось роскошью для богатых. Осторожно залезть по пожарной лестнице на третий этаж тоже труда не составляло. Окно было приоткрыто. Ценой некоторых усилий и интриг, ещё только попав в приют, Андрей сумел сделать так, чтобы остальные девять пацанов в его спальне оказались из «своих». Тех, кому он мог доверять и кого для себя наметил костяком своего будущего подразделения.

Отбой объявляли в восемь. В это же время всех разгоняли по комнатам, а дальше делай, что хочешь. Не явился на ужин – сиди голодным. Но, спрыгнув с подоконника, Андрей почувал запах каши. На его постели стояла тарелка.

– Спасибо, народ.

Один из парней усмехнулся.

– Ты не нас, Андрюха, а Нину Игнатьевну – того. Спасибо. «Опять замечтался, голодный», – поддразнил приятель.

Андрей в ответ закивал, уже набив рот и торопливо жуя. В прошлой жизни, в тихие годы между первой демобилизацией и Большой войной, Северин стал известным шеф-поваром.¹ Попав же в детдом, первым делом отправился наводить порядок на кухне... История до сих пор вызывала улыбку и у него, и у остальных. Сначала скандал и ругань: «Делай сам, если такой умный». Потом толстые тётки-поварихи под командой одиннадцатилетнего пацана. Зато результат того стоил. Даже из небогатого набора продуктов на кухне научились готовить в меру вкусно. А уж самой пожилой Нине Игнатьевне нахальный, но талантливый паренёк пришёлся особенно по душе. Поэтому если Андрей куда-то пропадал, она обязательно старалась оставить ему что-нибудь на ужин.

– Ну что интересного без меня было?

Один из приятелей, самый младший, почесал макушку, словно там зудело. И процедил:

– Петюня вернулся. Представляешь? Только на вечернюю смену встал, и опять начал.

И с надеждой посмотрел на командира. Андрей злорадно переглянулся с остальными парнями. Петюней прозвали воспитателя, который пришёл работать месяца три назад. Тут же начал распускать руки, поощрять дедовщину. И как умудрился выяснить Андрей, планировал, едва «наведёт порядок», организовать из девчонок постарше бордель. Вот только уже через месяц Северин вместе со своей командой организовал ему несчастный случай. Причём так, что никто ничего не заподозрил. Андрей заодно пообещал товарищам по комнате, что если, вернувшись, Петюня не поумнеет, в следующий раз в больницу угодит минимум на полгода.

– Мы с ним завтра же... Проведём воспитательную беседу. А пока, парни, извините. Спать, день паршивый. Все дела, на которые я рассчитывал, сорвались.

Не раздеваясь, он лёг на кровать... Изобразить глубокий сон для тренированного специалиста не так уж и сложно. Сам же лихорадочно принялся размышлять: сегодняшняя встреча давала шанс реализовать план, который Андрей вынашивал уже больше года. В прошлой жизни Северин успел покомандовать учебным центром – чин майора спецвойск по табелю о рангах считался всего на ступеньку ниже генерала пехоты. Был известен не только как высокопрофессиональный боевик, но и как талантливый преподаватель. В нынешнем времени всё упиралось в нехватку технических знаний. И тут удача свела с кадровым офицером инженерной службы.

На встречу с новыми друзьями Андрей и Лена выбрались только через неделю. И то опять пришлось перелезть через забор. Андрей даже порадовался, что его подруга – худощавая пигалица с жидкими пшеничными косичками: будь она постарше, подсаживать её было бы затруднительно. Компания встретила их вроде бы доброжелательно... Но почти сразу же один из парней, самый здоровый, начал задираться:

– Да ты кто такой? Вали отсюда на х... , приютский г...

И поперхнулся на полуслове. Андрей умел взглядом осаживать и не таких. К тому же, нарывался парень явно с подачи кого-то из лидеров, проверить новенького.

– Короче. Меня зовут Андрей. Это моя сестра Лена. А вот тебя, если не докажешь, что мужик с яйцами, буду звать х...о. Слабо на кулаках? Один на один?

¹ Сборник «Кафе на лесной улице».

Парень побагровел. Остальные тут же расчистили пространство, образовав круг... Драки не вышло. Противник только замахнулся, медленно и неумело, как уже Андрей сбил его подсечкой и ткнул в нервный узел. Парень захрипел на земле, Андрей же громко сказал:

– Ещё желающие есть? Только по одному. Если разом – придётся ломать руки и ноги. Меня учил хороший мастер.

Фильмы про всякие единоборства пользовались бешеной популярностью, так что пацаны Андрею поверили сразу. Один из парней даже уважительно пробормотал: «Повезло, что Семён его тогда узнал...»

Когда Андрей и Лена возвращались обратно, Северин решился спросить:

– Ну что скажешь?

Девочка несколько секунд молчала. Потом из глубины словно проступил другой человек: движения стали чётче, с иной, взрослой пластикой, даже голос немного сменил тональность.

– Дети. Мягкие и податливые, как пластилин. Психокарты я тебе даже на пальцах составлю за три-четыре встречи. С программированием тоже проблем не будет. Но... Этично ли это? Твой план...

– А что их ждёт иначе? Пьянка, деградация. А так у них будет цель и смысл.

– План по подготовке пушечного мяса. Хорошо. Как прикажете... господин генерал.

Андрей скривился:

– Леночка, ну ты же знаешь, майор. Всего лишь майор.

– Отдел специальных операций, – довольно холодно парировала Лена. – Без пяти минут генерал-полковник, если считать обычным пехотным счётом. И это если забыть, чем ты командовал в конвое. И то, что официальный приказ не успел нас догнать, полная ерунда. Мышление у тебя уже вполне генеральское. Так что будет тебе пушечное мясо, обещаю – высшего сорта.

С наступлением весны компания подростков всё чаще собиралась, сидя в беседках детских садов и школ или гуляя по району. В один из майских дней кто-то завёл разговор о том, что сейчас бы им денег, побольше... И настанет жизнь у них совсем другая. Трое имперцев замерли в напряжении: началось!

Узнав про идеи Андрея, Семён спорил намного дольше. Да, им нужны люди. Неизвестно, когда удастся связаться с остальными – и хорошо бы прийти не с пустыми руками. С каждым днём времени до точки резонанса оставалось всё меньше. Вот только имеют ли право пришельцы из будущего кроить чужие жизни по своим лекалам? Андрей призвал на помощь всё своё красноречие, но убедил, что лучше так, чем медленное прозябание и превращение подростков в серую массу, бездумную и не желающую ничего, кроме спиртного или заменяющих его развлечений.

Лена не зря на флоте служила в корпусе психологов. Они готовили почву всю зиму: «случайный» разговор, слово и намёк, брошенные тому или этому парню или девушке. Каждого хоть раз отловили наедине и провели ментальное кодирование... И вот, наконец, долгожданная реакция проявилась. Следовало переходить к следующей части плана.

– Эх, мне бы денег... – протянул парень, который пробовал Андрея в день «прописки».

– Денег говоришь? – усмехнулся Андрей. – Деньги – это не проблема. Только... вот что ты собираешься с ними делать?

– Как что? – удивился самый старший из ребят. – Ну, жить шикарно, ну, купить всё что захочу. Только откуда их взять-то?

– Для начала. Чтобы не было неясностей.

Андрей ударил кулаком по стоящей перед ними скамейке, легко проломив облупившуюся доску толщиной в два пальца. Все замерли от неожиданности и удивления, а Андрей непринуждённо присел на один из столбиков. Лишь Семён и Лена заметили каплю пота, стекавшую по виску. Форсирование организма так просто не проходит, и ощущает себя Андрей сейчас очень паршиво. Но остальные заметить не должны.

– Так вот. Деньги найти можно, хотя способ будет и не совсем, скажем... легальный. Но это ведь никого не остановит? А дальше? И не будем про модные разговоры о блатной жизни. Ничего хорошего не получится, знаю. Сам почти как в тюрьме. Да и сколько можно так? Жизнь вора – это удача... да недолгий срок, пока не перешёл черту. Когда станет мешать, его уберут или посадят. Или жизнь по зонам для кого-то самое желанное?

– Тогда зачем деньги-то? Тем более, как ты сказал? Не-ле-гал-но? – продолжал удивляться всё тот же парень.

Тут вмешался Семён. Его ум и умение вывернуться из самых неприятных случаев уважали, и потому слушали внимательно.

– Деньги – это способ. Не красиво жить, а научиться. Чтобы потом, с помощью своих умений обеспечить хорошую жизнь. Деньги придут и уйдут – а вот то, что в тебе, останется всегда. И никто этого не отберёт.

Споров было много. Немало из сказанного подростки поняли не сразу или не поняли – и приняли на веру. Но программирование и таланты Лены помогали убеждать даже в том, что, казалось, противоречило всему нищему существованию этих жертв безумных девяностых. Дальше пошло по разработанному сценарию. Бывший заводской ангар на Локомотивной улице, где под скромной вывеской «Пластиковые трубы» скрывался склад контрабанды и главное – куда приходили фуры с нелегальным золотом, Андрей с Семёном вычислили давно. Также выяснили, когда прибывают машины с «двойной» загрузкой. А один из ребят вывел их на наркомана, через которого можно было продать всё перекупщикам.

В нужный день Семён и Андрей ждали на крыше соседнего склада. Снизу схрон было невидно. Да и вряд ли бы на пацанов кто обратил внимание. Фура въехала во двор, водитель отдал начальству ключи, расписался во всех документах и ушёл. Андрей показал напарнику кулак с вытянутым большим пальцем – тот самый, курьер. Дальше пришлось ждать больше часа, пока всё затихло. Оставалась охрана... Первым схрон покинул Семён: на нём была техническая часть. Отключить телефон и сигнализацию. Пятнадцать минут спустя во двор склада спрыгнул Андрей... И словно растворился в тенях. Как Семён ни старался, ничего увидеть не смог.

Так же неожиданно, как и пропал, Андрей возник посреди двора. Каким-то способом определил, где прячется напарник, махнул ему рукой – давай сюда. А когда Семён оказался рядом с грузовиком, показал ключи от машины и мешок, в котором что-то звенело.

– Всего четверо. И теперь у нас четыре ствола плюс патроны. Даже лучше, чем я рассчитывал.

Фура взревела двигателем, в первый момент дёрнулась – Андрей не сразу разобрался с непривычным управлением, и покинула двор. Впрочем, уехала она всего на несколько кварталов. Сам грузовик имперцам был ни к чему, поэтому из тайника вынули пакет, а машину бросили, оставив мину с таймером. Через пятнадцать минут всё полыхнуло, но оба диверсанта уже были далеко.

Посредник ждал их у себя дома. Получив пакет и наставления, как себя вести, чтобы покупатель не всадил нож под ребро вместо денег, худой бледный парень с исколотыми венами мелко закивал и торопливо выпроводил обоих за дверь.

Два часа спустя уже троём имперцы стояли в той же прихожей, а посредник с горящими глазами трясущимися руками считал купюры, разделяя доли. Андрей мысленно усмехнулся: идиот решил их надуть. И даже на всякий случай спрятал под свитером нож. В какой-то момент парень так увлёкся, что на мгновение перестал контролировать окружающее пространство... Андрей ударил точно в нервный узел. И тут же Семён прижал согнувшегося от боли наркомана к стене, а Лена профессиональным движением вколола в вену шприц. Всё было проделано точно так, чтобы не осталось следов. Тело обнаружат через несколько дней и поставят диагноз «передозировка». Оставлять нить, через которую можно будет выйти на них, имперцы

не собирались. Тем более что найти в районе подходящего наркошу для следующего раза, к сожалению, проблем не было.

Также не собирались они давать деньги в руки подросткам: слишком велико будет искушение, от которого не спасут ни договорённости, ни ментальные блоки. Средства пошли на аренду спортзала, покупку нужного инвентаря, взятку одному из служащих детского дома, чтобы тот «закрыв глаза», как друзья, прихватив ещё несколько воспитанников, систематически нарушают внутренний распорядок. На всё, что понадобится для будущей работы их маленького подразделения. Дальше начались тренировки. Сложные, выматывающие – но безумно интересные. Программа специально была разработана именно так, чтобы избранные мальчики и девочки старались не жалея сил – и смогли достичь нужного имперцам результата.

В каторжном труде пролетело больше полутора лет, но результатом можно было гордиться. К осени девяносто пятого у них уже было целых два подростковых клуба, формально управляемых одним из бывших учителей интерната. Старик отдал детскому дому всю жизнь, и сейчас, на закате своих дней, был безумно счастлив, что не уходит коротать остаток отпущенного Богом срока на пенсии, а может и дальше заниматься нужным делом. Ведь в его клубах обездоленные дети, брошенные и родителями, и государством, получали шанс не стать выкинутыми на обочину жизни изгоями. Смогли нормально общаться со сверстниками, а не смотреть на жизнь из-за забора. Не меньше остались довольны и «теньевые» организаторы: почти три сотни мальчиков и девочек стали хорошим прикрытием четырёх десятков боевиков и полутора десятков прочих специалистов... В ноябре девяносто пятого их впервые «попробовали на прочность».

Кто-то из мелких криминальных «шестёрок» увидел в клубах возможность обогатиться: превратить облюбленные молодёжью места в игровые салоны или притоны. И когда старик отказался отдавать дело в «нужные» руки, а попытки натравить «прикормленных» участковых и чиновников почему-то провались – в дело пошли «отморозки» из подконтрольных гоп-компаний.

Семён узнал о том, что четверо неизвестных крепко избивали одного из ребят-участников клуба, сразу же после школьных занятий, когда тусклое ноябрьское солнце уже почти скрылось за горизонтом. Весть принёс один из командиров отделений, и, глядя на ожесточившееся лицо подростка, инженер-лейтенант мысленно тяжело вздохнул: он до последнего надеялся, что силового столкновения не будет. Хотя умом и понимал, что вероятность такого близка к нулю.

– Передать по цепи, – он отдал приказ подчинённому, запуская давно разработанный сценарий, – жёлтая тревога один. Разведотделению – начать поиск. – Боевым отделениям пока жёлтая два. То же самое и медикам. Исполнять.

А сам отправился в клуб предупредить Андрея, что спокойная жизнь закончилась. И даже чуть раньше, чем они рассчитывали.

Через три дня Андрей вместе с десятком бойцов зажал в одном из тупиков пятерых бритоголовых парней, на лицах которых даже не было страха. В сумерках вечера можно было рассмотреть скорее удивление, что какая-то группа неизвестных в масках имеет наглость угрожать «владельцам» района.

– Кто?

Гопники нагло посмотрели в ответ, хотя сразу задираться впятером против десятка поостереглись. Ничего, они ещё отомстят.

Командир отделения разведчиков ткнул пальцем:

–Этот, этот, этот и этот.

Получив ответ, Андрей отдал следующую команду:

– Четверым виновникам – сломать руки. А ты, – обратился он к оторопевшему пятому, – передашь остальным, что так будет с каждым, кто в нашем районе посмеет хоть раз эти руки распускать.

После чего развернулся и, не слушая криков наказываемых, исчез в темноте: от искажающего голос устройства неприятно звенело в ушах, да и балаклава натирала.

Через пять дней Андрей снова стоял на той же улице – только стонали на земле уже не четверо, а три десятка. Рядом аккуратно были сложены отобранные кастеты и арматура: скоординированному удару сразу двух боевых отделений местная гопота ничего противопоставить не смогла. «Один – ноль в нашу пользу», – пришла мысль. Впрочем, до победы было далеко – пока они вывели из строя лишь нижнее звено.

Война продлилась долго. На стороне криминала было превосходство в количестве. Имперцы оказались сплоченнее, выучка бойцов лучше, а командиры обладали накопленными за тысячелетие знаниями партизанских действий в городе. К тому же, молодым солдатам Империи было за что воевать – ведь в случае проигрыша они теряли не деньги, и даже не жизни, а спокойное будущее родных и близких. Почти полгода Ульяновск «гудел» от непонятного «криминального передела», перестрелок и штурмов коттеджей главарей и «авторитетов». Несколько раз солдаты хоронили своих товарищей. Тайно, на окраине старого заброшенного пригородного кладбища. Андрей, когда звучали прощальные слова, а глина и дёрн маскировали яму, каждый раз до крови закусывал губу. «На могилах таких как мы в мирное время не бывает имён», – бились в голове слова сокурсника, сказанные сорок лет назад и тысячу лет вперёд. Но иначе было нельзя...

«Авторитеты» сдались. Их сломила даже не неуловимость неизвестных претендентов на спальные районы новостроек, и даже не жестокость. Отъявленные душегубы, они и сами могли кого угодно поучить пыткам и садизму. Сломала неотвратимость и персональность возмездия, когда даже самое защищённое логово могли взять штурмом неизвестные в масках, а потом казнить на глазах у остальных виновного – и при этом не тронуть остальных. Впрочем, и аппетиты «наглых беспредельщиков» были очень скромные: они лишь требовали отдать им на откуп часть новостроек. Пожелали, чтобы там не было ни организованных «группировок», ни притонов или подконтрольных «тёмным отцам города» клубов – если те будут связаны с наркотиками. Всё остальное захватчиков не интересовало. Протестовали цыгане, которые получали чувствительный удар по своей торговле героином, но их быстро приструнили. Возобновления войны не хотелось даже самым «отмороженным» из главарей подпольного мира.

Друзья сидели у Семёна, пользуясь тем, что никого дома в тот день не было. Завтра они будут отмечать общую победу – вместе с бойцами, вместе со всеми, кто участвовал в этой невидимой войне. Но сегодня им хотелось посидеть втроём. Какое-то время они разговаривали, по военной традиции вспомнили каждого из погибших, потом... Семён вдруг произнёс:

– А у меня сюрприз! – и достал из холодильника пластиковый стаканчик с новым молочным продуктом типа йогурта, который появился недавно во всех магазинах города. – Ничего не напоминает? – дал он покрутить упаковку в руках. И не дожидаясь, пока сообразят остальные, схватил со стола маркер и пририсовал забавному зверьку, держащему в руках надпись-название, роскошный хвост.

– Да это же Свистун, – хором ахнули Андрей и Лена, узнав популярного героя детских мультфильмов.

– Точно. Наши пытаются выйти на связь, – хмыкнул Семён. – Но это ещё не всё, – и потащил друзей к телевизору.

Пощёлкав пультом, он нашёл нужный канал, где шла реклама с участием Свистуна: актёр в пушистом кукле-костюме уговаривал белобрысого парня «отведать вкусного». Парень думал, сомневался... время от времени поправляя левый манжет рубашки. Лена, в прошлый жизни

офицерский клуб эскадры не посещавшая, ничего не поняла. Но Андрей, едва увидел жест белобрысого, радостно воскликнул:

– Не может быть! Счастливчик!

Глава 2. Счастличик Гай

Удача... тонкая материя, капризная дама. Сколько людей молят её о встрече, просят побыть рядом хоть минутку? И завидуют тем, у кого Фортуна всегда стоит за плечом. Гаю, который частенько беседовал с привередливой богиней «на ты», всегда было жалко таких глупцов. Хотя в прошлой жизни обижаться на ветреную спутницу всех начинаний ему было вроде бы не с руки. Полковник Имперской Службы безопасности в тридцать два, генерал в тридцать пять. А ведь для большинства выходцев из провинции майорские погоны – венец карьеры перед пенсией. Полный кавалер Звёзд Славы и Мужества. Один из немногих, кого армейская и флотская офицерская братия принимала как своего – хотя «крысоловов» традиционно терпела исключительно по необходимости. Вот и прилипло к генералу Гальбе прозвище «Счастличик». Словно привязанное, следовало за хозяином к каждому новому месту службы.

Прозвище, которое Гай ненавидел. Никто из тех, кто поздравлял с очередной победой и завидовал новому карьерному успеху, не задумывался о горькой цене, выплаченной Счастличиком. Выплаченной без его желания. Он мечтал отдать все свои удачи, чин и даже жизнь – лишь бы вернуть потери обратно. Случай увёл его из дома перед самым началом кровавой пограничной войны, в которой сгорели и семья, и друзья, и коллеги: родная планета оказалась первой, на которую посыпались бомбы... Вернулся лейтенант к развалинам только вместе с десантом, выбивавшим войска захватчиков. Гай мстил, стремился в самую гущу сражений. Разведка, рейды по тылам, диверсии. Судьба почему-то сохранила его, хотя он похоронил немало товарищей. Подарила все четыре Звезды и репутацию везучего парня, способного залезть в самое пекло и сделать то, что никому больше не под силу. Да и после войны Фортуна осталась благосклонна внешней стороне жизни, выстроив свежеиспечённому майору головокружительную карьеру одного из самых молодых генералов Имперской Службы Безопасности... И заодно похоронила жену² в операции, принёсшей полковнику Гаю Гальбе генеральские «орлы».

В прошлой жизни Гай так и остался бобылём, посвятил себя без остатка работе. И когда в двадцатом веке обрёл новую семью, считал её самым важным, что подарила ему вторая жизнь. Поэтому сейчас Гай вошёл в комнату без стука. Посмотрел на здоровенный синяк под глазом младшего брата, разбитые губы и спросил:

– Сколько их было?

– Гай, не надо. Я сам...

– Вадик, я спрашиваю, сколько их было? – в голосе появился металл. – Я с самого начала считал и объяснял маме, что, не давая распоясаться этим вымогалам, ты поступаешь абсолютно правильно. И пока всё решалось один на один, это были только твои заботы. Но теперь кто-то, кажется, рассудил по-другому?

Вадим поморщился. Драки с пацанами из соседней «параллели» продолжались больше года, ещё с девятого класса. Сразу как Вадим, недовольный рэкетом среди шестиклассников, вмешался. До недавнего времени все разборки соблюдали негласный мальчишеский «кодекс», даже если противников было несколько. Но сегодня после школы Вадим вернулся порядочно избитый. Какое-то время оба молчали, наконец, младший брат сдался и с неохотой выдал из себя:

– Знаешь ПТУ-ху через два двора от нас? Я из школы мимо шёл, там меня и поймали. Сразу четверо, в форме этой ПТУ-хи. Типа объясняли, чтобы больше не лез не в своё дело. Типа на меня пацаны жалуются, а они – это «крыша». А если не пойму, в следующий раз они будут разговаривать уже «не по-хорошему».

² Рассказ «Талисман на удачу» (сборник «Кафе на лесной улице»)

– Не по-хорошему, значит? – разом похолодел взгляд Гая, он побарабанил пальцами по дверному косяку. – Ну что же...

Вадим почувствовал, как по коже побежали мурашки. В старших классах брат сильно изменился. Стал жёстче. Хотя в паспорте имя оставил прежнее, взял манеру его сокращать и переименовывать на Гая – мол, чем я не будущий Юлий Цезарь? А ещё два года назад Гай вот с таким же холодным взглядом встретил новость про изнасилование одноклассницы. Незадолго до выпускного её затащили в машину четверо абреков, когда же родители девчонки подали заявление в милицию, им посоветовали «не вылезать». Радуйтесь – жива осталась, и помните, что главный среди удалцов сын главы местной общины. И если родители не хотят обвинения дочери в проституции, пусть лучше молчат. Через неделю после отказа в расследовании дела все четверо абреков оказались в больнице с переломами, насильник остался инвалидом. Виновных так и не нашли, хотя искала не только милиция, но и по своим каналам отец главного «пострадавшего». Вадим сразу догадался, что отомстил кто-то из приятелей Гая.

– Не надо... – попытался спорить Вадим: обычная драка, на его взгляд, была не поводом отправлять в реанимацию.

– Ну почему же, – потеплел голос старшего брата. – Один хороший писатель как-то сказал, что действие обязательно должно иметь противодействие. Не больше – но и не меньше. Думаю, здесь получится так же. Ладно, побежал я. Меня дядя Семён к себе сегодня ждёт.

В ответ Вадим кивнул. Хотя его и разбирало любопытство, зачем старший брат идёт к дяде: Семён Олегович являлся неофициальным главой «семейного клана». И не потому, что был самым старшим по возрасту, опередив в этом и родную сестру, и обоих кузенов. Он единственный сумел неплохо устроиться в новой и бурной «постсоветской» жизни. В восьмидесятых удачливый кооперативщик, который с развалом Союза сумел вывернуться, не скатиться в нищету и не застрять на уровне хозяина десятка челночников да места на базаре турецких шмоток. Но никогда особо не был повязан с криминалом, хотя в девяностых это давно уже было не просто нормой, а почти обязательным условием работоспособности бизнеса. И при всём этом за руку с ним здоровались не только отцы города, но и отцы «ночной жизни».

Из дома Гай вышел сразу же после разговора с братом. Формально чтобы дальше не спорить на тему надо/не надо, заодно успеть пройти мимо ПТУ, вдруг уже сегодня попадутся обидчики Вадима. Иначе придётся потом искать специально – переломать им руки Гай собирался, не откладывая в долгий ящик. На самом деле длинный путь бывший генерал выбрал специально, хотелось успокоить нервы. Ему повезло опять. Уже здесь, в Ульяновске, он сумел найти ещё четверых с «Луары», десантировавшихся одновременно с ним. Но дальше на Фортуны уповать не стоило. Гай предложил дяде развернуть производство нового и необычного молочного продукта... сославшись на случайно найденное описание техпроцесса, а также сымитировав серию опытов. Пришлось изрядно потрясти память, вспоминая практику на молокозаводе в далёкие школьные годы первой жизни. Зато если идея сработает, одним выстрелом получится убить сразу двух зайцев. Не вызывая подозрений оповестить о себе сразу огромный регион и при этом получить финансовую базу для дальнейших операций.

Осень выдалась хоть и тёплая, но дождливая, поэтому идти приходилось, глядя исключительно под ноги. Последний раз асфальт на тротуаре клали в день сдачи микрорайона, то есть двадцать лет назад, и дорога представляла собой набор луж глубоких и не очень.

Из размышлений и планирования ненадолго вырвал голос.

– Обалдеть, кого я вижу! И как тебя сюда занесло?

Гай поднял глаза: бывшая одноклассница, самая красивая девушка их выпуска. Безуспешно охотилась за Гаем весь последний одиннадцатый школьный год... Так и не поняла, почему не сработала даже попытка затащить парня в постель.

– Деловая колбаса, как всегда. Студент типа?

Гай неторопливо обшарил девушку взглядом. Так, что она непроизвольно вздрогнула и сделала шаг назад. Словно её ткнули под рёбра. «Может, стоило дать волю гормонам и всё-таки уложить дуру в постель? – Гай ещё раз внимательно окинул девушку таким взглядом, что она испуганно и растеряно что-то забормотала себе под нос... – Нет, совершенно правильно я её послал».

– Да, студент. А ты, смотрю, выбрала карьеру шлюхи? Удачи на новом поприще.

Обошёл и двинулся дальше по улице. Судя по недолгому ступору и раздавшейся вслед нецензурной брани, Гальба угадал. Впрочем, стоило добраться до остановки и сесть в автобус, глупая одноклассница уже полностью вылетела из головы. Всю дорогу Гай старательно продумывал план сегодняшней беседы, ещё раз сортируя варианты своего поведения.

Встречу с племянником дядя отнёс к разряду «деловых», пусть парень приучается. Так что расположились они в рабочем кабинете главного офиса. Гай был здесь впервые, и сейчас, сидя на стуле в конце большого Т-образного стола, с интересом осматривал строгий деловой дизайн комнаты. Солидный, без той безвкусной помпезности, на которую тянет новоявленных нуворишей. Да и сам владелец под стать: деловой костюм без внешних символов богатства вроде золотых цепей и огромных перстней.

Семён Олегович работал с документами, читая, на чём-то ставя свою подпись, а что-то откладывая – и демонстративно не замечал сидящего в кабинете племянника. До назначенного срока было двадцать минут, и пусть родственника, в отличие от обычных посетителей, сидеть в приёмной не заставили, менять рабочий график хозяин кабинета не стал. Но пока одна половина сознания на автомате разбирала «текучку», остальная часть головы бизнесмена была занята мыслями о предстоящем разговоре и деле. Он прекрасно понимал, что не вечен – но две собственные дочери, хоть и самые на его взгляд умные и хорошие, увы, деловой жилки не имели. И когда племянник пришёл со своей идеей, сердце ёкнуло: если сдюжит, то сможет стать наследником семейного дела. Главное, не показать свои надежды, парень хоть и умный, но молодой. Может лишней похвалы не выдержать, сорваться. Наконец Семён Олегович закончил с последней папкой, посмотрел на часы и жестом показал пересесть поближе.

– В общем, так. Твой план посмотрели. Не без ошибок, конечно.

Гай мысленно усмехнулся: знал бы дядя, сколько трудов стоили его подчинённым эти «естественные ошибки». Ведь план даже самого талантливого делового гения без специального образования и опыта работы безупречным быть не может, здесь Гай учился на физмате. Хорошо из найденных ребят двое оказались его бывшие СБ-шники, которые на таких вот липах собаку съели.

– Идея интересная, и реализуемая. Но мне бы хотелось ещё раз услышать о ней и от тебя самого. Коротко сформулируй главное.

– Дядя Семён, пора. Бесконечно эта вакханалия тянуться не будет. Три, пять, ну, может, ещё лет семь – и на одной торговле, перекупке и прочем не вытянем. Без производства страна всё равно жить не сможет. И кто начнёт первым, начнёт раньше... В конце концов, сейчас мы рискуем только деньгами.

– Деньгами? – прищурился Семён Олегович. – Легко больно говоришь.

– Да, деньгами, – спокойно парировал племянник. – К тому же не последними. А вот если не поторопимся, проиграть можем уже своё место. И никакие деньги тогда не понадобятся.

– Убедил, – усмехнулся Семён Олегович. – И повторять остальные аргументы из своих записок, – он похлопал по лежащим перед ним бумагам, – не обязательно. В общем, наше пари ты выиграл. Лабораторию я тебе уже нашёл, как и команду инженеров. Будем доводить идею до промышленного воплощения. И чего за это хочешь?

– Заняться рекламой того самого нового продукта, который мы будем продвигать на рынок, – ответ был давно продуман. – У меня есть уже на примете несколько ребят с незамутнёнными мозгами. Если к ним подключить разбирающихся в технической и съёмочной части

людей – заткнём за пояс всех. Особенно на фоне нынешнего убожества. И ещё. В роликах сниматься я буду сам.

– А это ещё зачем? – удивился дядя. Мысленно поставив племяннику плюс: в дело вводит людей, преданных лично себе. Когда со временем сядет в директорское кресло всего холдинга – будет иметь команду помощников, на которых сможет опереться. – Вот не поверю, что тебе захотелось покрасоваться в телевизоре.

– Это не последняя рекламная компания, и я обязан разбираться. А быстрее и надёжнее сделать изнутри.

– Добро. Так тому и быть.

Следующие несколько месяцев Гай отчаянно метался между лабораторией и купленным специально для проекта молокозаводом. Приходилось контролировать всё: и разработку приспособленного к местному производству техпроцесса, и модернизацию предприятия. А заодно чтобы рабочих брали только готовых соблюдать регламент, а не отрабатывать зарплату, чтобы по советской привычке не нарастили лишний административный аппарат... К тому же, хотя бы для видимости надо было заглядывать на учёбу. Гай остро жалел, что в сутках всего двадцать четыре часа, временами забывал играть «молодого человека», а сразу начинал командовать по-генеральски жёстко. И чуть ли не каждую неделю всерьёз подумывал экстерном сдать в университете экзамены за два семестра сразу. Останавливало лишь то, что это вызовет подозрения.

К зиме, наконец, дошло дело до рекламы. И опять Гай столкнулся с поветрием эпохи развала – на руководящие должности в первую очередь пробивались интриганы и подхалимы, которые не умели и не хотели думать и работать. Прочитав сценарий рекламной кампании на телевидении, Гай схватился за голову: ведь он очень точно написал, что желает видеть! Потом надзирателя из команды имперцев пришлось срочно перебрасывать на другое направление, и кто-то из киношников решил упростить себе работу за те же деньги. Попросту скопировать несколько американских рекламных роликов, добавив колориту «с матрёшками и балалайками». И значит, время сна сокращалось ещё больше – поскольку теперь каждый день с завода Гай вынужден будет ездить не домой, а с проверками на телевидение.

Каторжные труды принесли успех. К лету оригинальная реклама вместе с необычным вкусом нового продукта сделали его популярным не только в своей области, но и в соседних регионах. Гай официально стал директором молокозавода, с собственным кабинетом и секретаршей... На эту должность Гальба пристроил свою помощницу из имперской СБ. И принялся пожинать плоды.

Вот и сегодня, проходя через приёмную, махнул рукой, позвав секретаршу к себе. Милана тут же встала, взяла со стола папку и направилась вслед за шефом. Гай улыбнулся краешком рта. Если в первые недели весь завод шушукался, что молодой директор просто сунул на должность свою любовницу – высокую и стройную блондинку, потом наиграется и сменит на другую... Теперь хотя бы взглядом боялись на эту тему намекнуть. В прошлой жизни капитан отдела внутренних расследований, Милана и здесь быстро заставила всех ходить по струнке.

Едва дверь захлопнулась, отсекая звуки снаружи, секретарша начала докладывать с самого важного.

– За вчерашний день поступило сообщение ещё от троих. Все из города. На сегодня обнаружено вместе с ними триста пятнадцать человек, – девушка позволила себе усмехнуться. – Теперь можно не гадать, кто устроил недавний переполох с отстрелом криминала. Командует троицей Андрей Северин.

Гальба кивнул: хорошая новость. Руководителя учебного центра террор-групп при Академии десанта генерал знал не одно десятилетие и считал его одним из лучших специалистов своего дела.

– Хорошо. Назначь им встречу сегодня на пять часов.

Вечером все трое стояли перед генералом в его кабинете.

– Господин генерал, – начал тёмно-русый крепко сложенный парень. – Подразделение под командованием майора отдела специальных операций Северина прибыло под ваше командование. Состав...

Услышав, что кроме себя Андрей привёл больше полусотни бойцов и специалистов вспомогательных служб, Гай встал из-за стола и уважительно пожал всем троим руки.

– Спасибо вам. То, что вы сделали – самое настоящее чудо.

Дальше генерал Гальба кратко ввёл новых подчинённых в курс дела.

...Преимущественно в нашем регионе, – подвёл он итог. – До получения указаний от адмирала координатором операции остаюсь я.

– Значит... Его ещё не нашли?

– Нет... Успел ли кто-то десантироваться с «Неустрашимого» – неясно. С флагмана пока никто не отозвался, – на лицо Гая набежала тень. – Но он жив, я уверен. Если получилось у нас – получится и у адмирала! Не может не получиться.

Глава 3. Наперегонки с мгновением

В прохладном воздухе осени пахло неприятностями. Вроде бы всё было в порядке, возможную погоню «стряхнули» чисто. Два-три дня, группа выйдет к точке эвакуации, где их подберёт «вертушка», операция закончена. Но что-то майору Северину всё равно не давало покоя. Шестое чувство, неведомое науке, но хорошо знакомое всем спецам по тайным операциям, вопило: «Проблемы!» Андрей окинул взглядом окрестности: встали аккуратно. Сбоку их не обойдут, это из долины горы кажутся пологими, а на деле чёрта с два без альпснаряжения по этим стенкам и камням заберёшься – Кавказ ничем от других подобных районов не отличается. Сзади тоже всё нормально: сразу после спуска с седловины перевал делал изгиб, никакой снайпер не достанет. Если всё-таки возможный преследователь сумеет до наступления темноты спуститься по снежнику у «точки перелома» на самом верху перевала – оставленный на повороте секрет расстреляет врагов как в тире. Лагерь замаскирован хорошо. Даже зная, где он, ничего не увидишь – дыма нет, а начинающиеся заросли кустарника и рошица надёжно скрывают расположившихся на отдых бойцов. Да и «груз» в этот раз попался хороший: парня уже неделю как вытащили из подвалов Мустафы Хромого, адреналиновая эйфория первых часов давно прошла, но держится, старается не быть обузой. Так почему же на душе такой поганый привкус? Слишком тихо взяли аул, «активная» часть прошла почти без стрельбы? Мало бойцов оказалось в охране? Или потому что эфир третий день трещит от чеченской речи, а понять некому – Яшку ранило в прошлом рейде, а другого переводчика прислать не успели: новая задача пришла слишком неожиданно. Их, по идее, ради сохранения секретности вообще не должны были задействовать в этом же регионе второй раз подряд. Но понадобилось идти вглубь Ичкерии, а наладить деловые связи с отцом заложника необходимо как воздух. И потому послали лучшую группу.

Какое-то время Андрей пытался себя успокоить. Нервно жевал травинку, достал верёвочку и стал вязать на ней сложные узлы. Без конца мысленно себя уговаривал: это всё сентябрь, начало учебного года и нервы от грядущего возвращения домой, к «гражданской» работе. Нет-нет, насчёт идеи взять «на баланс» сиротские дома по области Северин был горячо «за». И как имевший несчастье познакомиться с системой «изнутри», и как хорошо знакомый с практикой подготовки нужных специалистов из сирот ещё в прошлой жизни. Непонятно с чего вспомнилась довольно громкая компания в прессе, когда «крупный бизнесмен решил подать пример социальной ответственности». В месте, где тогда несколько месяцев Андрей работал после «выпуска» из детдома, обсуждали начинание шумно и бурно. Кто-то называл благотворительным «пиар-ходом», а кто-то цинично говорил, что это способ для фирм-организаторов при минимальных затратах получить через несколько лет выученный для разворачивающихся предприятий нужным специальностям и преданный рабочий персонал.

Для имперцев работа в детских домах воспитателями и «возрождение системы шефства», когда старшие подростки из нормальных семей приходили помогать малышне из приютов, стали идеальной возможностью собрать в единую организацию и «перезнакомить» своих. Плюс получить, по примеру группы Андрея, молодое пополнение, которые и станет основой для будущих перемен. Умом майор Северин прекрасно понимал необходимость учить мальчиков и девочек своим знаниям... Как он завидовал Лене с Семёном, которые оказались прирождёнными детскими педагогами. Андрей же привык иметь дело со взрослыми людьми, и работа с подростками ему давалась адски тяжело. Хорошо хоть командировки «по основной специальности» стали отдушинами.

Парень, которого они вели в этот раз, доел суп, что-то спросил у одного из бойцов и, получив разрешение, отошёл в сторону кустов. Андрей, глядя на него, улыбнулся: а как всё начиналось три года назад... У одной из имперцев похитили старшую сестру ради выкупа. И

пока отец судорожно метался между крайностями «рискнуть заявить в милицию» – «собрать деньги до копейки», девочка отправила просьбу о помощи. Через несколько дней переброшенная боевая группа передала обрадованному родителю живое чадо и стопку фотографий с трупами незадачливых киднепперов. После чего координатор ухватился за удачную возможность, а среди «солидных» людей сарафанным радио побежала информация, что проблемы с похитителями можно решить иным способом, без обращения в «органы». И с гарантией. А если бандиты ради «удобства» жертву убьют до внесения выкупа – получить головы виновных без всяких судов и адвокатов. Расплачивались далеко не всегда деньгами, чаще помощью и ответными услугами, нередко сотрудничая с «приятными людьми» и после. В результате имперцы получили не только обстрелянных солдат, но и целую сеть людей и организаций, ставших частью растущей системы разведки, подкупа и финансового благополучия. Андрей объездил немало мест. Особенно на юге страны, где воровство людей после «Хасавьюртовского мира» стало поставленным на поток предприятием... И получал хотя бы краткий отдых от буйных детских характеров.

Хандра перед возвращением была привычной, но сегодня дело было явно не в ней. И потому, когда от передового дозора пришло сообщение, что снизу поднимаются пятеро в камуфляже с каким-то грузом, он облегчённо вздохнул: «Оно»!

Через двадцать минут дозор вернулся в лагерь, сопровождая четверых солдат под командованием лейтенанта. Грузом оказался раненый, которого тащили на плащ-палатке. К нему сразу же кинулся медик группы, остальных разместили возле костра, дали каждому тарелку с горячим супом. Командир военных, сообразив, что хозяева не в курсе происходящего, первым делом обратился к Андрею, которого признал старшим.

– Здравия желаю, товарищ...

– Не имеет значения, – мягко остановил его Северин. – Просто Андрей. Нас здесь вообще нет, мы иллюзия. Так что эту часть давайте опустим.

– Так точно. Воины Аллаха решили, что им мало одной Чечни и двинулись в Дагестан. По республике идут бои.

Северин забористо выругался: стало ясно, почему рация последние дни не смолкала. Разработанный маршрут эвакуации наверняка перерезан. Но самое неприятное оказалось дальше.

– Наш взвод оказался в числе первых, кто встретит чехов. Сами видите, сколько нас осталось. Третий день как собак гонят, – закончил командовавший бойцами старлей.

– Сколько? Когда?

– Человек тридцать. Примерно часа через два-три.

– Ещё засветло. Вот что. Вашего раненого пока перемещать нельзя. Наш медик сказал, что жить будет, но нужно как минимум сутки покоя. Значит так, – Андрей несколько минут прикидывал диспозицию боя, потом продолжил. – Ваша задача пока отдых и обед. Через полтора часа подымитесь наверх. Оттуда никто догонять нас не должен, но на Бога надейся, как говорится... Замените у перевала пулемёт, он понадобится здесь, – встал и ушёл выискивать места и объяснять бойцам задачу.

Двадцать минут спустя лейтенант сидел с тарелкой каши недалеко от костра и впервые за последние дни позволил себе расслабиться. «А ведь прав был Женька, любит судьба забавные шутки», – вспомнил он месячной давности разговор с одним приятелем из краснодарской ментуры. Тот всё жаловался, что начальство их совсем заело – очередной раз отметились «мстители», расстреляли местного «авторитета»... И словно сквозь землю провалились, ни одного нормального свидетеля. Точно так же, как и в остальных трёх известных случаях. «И знаешь, Лёха, – добавил он тогда под конец, – чисто по-человечески – правы мужики. Ведь все всё про Жавчика знали – как он пальчики родне присылал. Но никто из наших важняков не шевелился. Начальник убойного вон с ним в сауне девок трахал каждый месяц, сука. А теперь

«искать»... Только хрен им. Судя по почерку, кто-то из бывших Конторских работает. Такие нашим гавкалкам не по зубам».

Они тогда долго говорили, как бы выйти на «мстителей»... И вот надо же – встретил. Правда, парни чего-то сплошь молодые, по виду лет двадцать, не старше. Но чувствуется в них умение, такое с опытом приходит – и то если натаскивать грамотно. Да и порода. Вон у костра ещё один парень сидит, двадцать пять лет, не меньше. Но в какое камуфлю ни одень – всё равно овца, рядом с такими-то волкодавами.

Боевики подошли незадолго до того как солнце нырнуло за ближайший пик, и в долину заглянули первые несмелые сумерки. Шли аккуратнo, не торопясь. Явно рассчитывая либо догнать и прижать беглецов к перевалу, либо остановиться на границе кустарников, а уже с рассветом найти и добить... Хорошо замаскированные позиции в горах сложно отыскать, даже если знаешь где – а встретить сильный отряд врага ни обитатели аулов, ни наёмники из жаркой Аравии не рассчитывали. Да и откуда? В Дагестане гяуры сметены победным воинством священной войны, потому глупая дичь и пытается бестолково скрыться у самого логова волка. А для солдат Нового Халифата главное сейчас – взять «баранов» живыми, с мёртвых развлечения мало... Кинжальный огонь двух пулемётов сразу выкосил больше половины отряда, рассеивая остальных и прижимая к земле. Не давал одиночкам собраться в огневой кулак для прорыва. Какое-то время боевики ещё пытались огрызаться, но имперцы поочерёдно «наваливались» на каждого с четырёх-пяти кратным перевесом. А отвлечь огонь «на себя» ради шанса для остальных никто из бандитов не пожелал. Лишь трое сумели пробиться за ручей, но и они пережили сотоварищей ненадолго. Едва скрылись от пулемётов за камнями и в панике начали спускаться по травяному склону, молчавший до этого секрет расстрелял бегущих в спину.

Уже в поезде, когда в окне вагона показались пригороды Ульяновска, Андрей вспомнил бой и последовавший за ним прорыв через охваченный войной Дагестан. Подумал, что надо бы попросить у ребят из разведки данные на лейтенанта. Хороший мужик, жалко, если потеряется – а на югах они точно больше не встретятся. Это не груз, который от шока и небольшой дозы нужной «химии» в последний день, точного портрета спасителей не вспомнит и под пыткой. Тут если в текущей неразберихе и сообразят не сразу, потом «выжмут» и самого старлея, и его солдат «до капли». Так что Северину и его бойцам на ближайшие год – два предстоит тихая жизнь в пределах родного города. Алиби на последние пару месяцев, конечно, у всех – но «дразнить гусей» среди профессионалов не принято.

Андрей собирался подать запрос, едва сдаст отчёт о прошедших операциях. Но сразу по приезде все мысли о старшем лейтенанте Алексее Журавлёве были сметены новостью, которую ему сообщил Семён. На связь вышел адмирал Рот!

Глава 4. Взгляд со стороны

Искусственный ветерок лениво шелестел листьями экзотических деревьев, приносил яркие ароматы и игриво мешал их с запахами соли и йода. Если добавить, что около столиков бассейн имитировал море, с пляжем из гальки и песка, и не обращать внимания, как сквозь закат падают на стеклянный купол потолка снежинки, можно вообразить – это волшебный джинн вдруг перенёс тебя из январского Подмосковья на один из тропических островов. Оранжевая всегда была гордостью Николая, многие растения он привёз из командировок и высадил своими руками. Да и сейчас старался не оставлять всё на одних помощников – сад как женщина, чужих рук не любит. Но времени возиться в земле в последние годы оставалось всё меньше и меньше. К тому же и гордиться своим шедевром было особо не перед кем – публичным человеком Николай никогда не был и не стремился, хватало возможностей «из-за кулис». Приглашались в загородный дом немногие. Люди умные, с хорошим вкусом, способные оценить чудодейство хозяина... только как и он, изрядно занятые.

Сегодня тоже собрался «ближний круг» человек на десять. Таких же чиновников, бизнесменов и генералов ФСБ, как с девяностых годов стали именовать Контору. Никто из них никогда не появлялся на экранах, никого не касались бури, перемены ведущих фигур, и грызня политических кланов последних полутора десятков лет. Их, конечно, нельзя было назвать «тайным правительством», как любят писать конспирологи³. Скорее что-то вроде клуба по интересам. Пусть их «дружеский кружок» не влиял на происходящее в стране напрямую, зато был способен повернуть события в нужную сторону. Клуб, для членов которого главной всегда была власть: не публичная мишура, не президентские почести – но возможность отдавать приказы, карать и миловать. Ради этого они со спокойной совестью разваливали страну в начале правления Ельцина. И ради этого также рьяно взялись за её укрепление в последние годы. Доживать, подобно Горбачёву, остаток дней на пляже американского побережья, рыдая об упущенных возможностях, не собирался никто.

Первую часть встречи, как обычно, посвятили сегодняшним проблемам, особенно разворачивающейся американской военной операции в Афганистане. Потом, также как обычно, разговоры были отложены в сторону: пришло время ужина. Встречу специально устраивали здесь, где подслушать считалось невозможным – так зачем же своими руками создавать утечку? Прислуга хоть и проверена многократно, всё равно люди посторонние. Но, едва со стола исчезли последние тарелки, а расставлявший напитки официант скрылся в спрятанной за пальмой двери, беседа продолжилась.

– Так что там с проектом «Ника», Пётр Гаврилович?

– Теоретическая часть закончена, – «представитель военно-промышленного комплекса» промокнул платком лысину и залпом выпил стоявший перед ним стакан, – начинаем монтаж лаборатории. Думаю, уже через год-два начнём эксперименты.

– И что, полагаете, господину Хофманну удастся обещанное? – поддел его сидящий напротив «сотрудник Администрации»: трепетное отношение «промышленника» к своему любимому детищу всем было известно.

– Даже если четверть – мы в выигрыше! – предпочёл не заметить подначку Пётр Гаврилович. – Одной возможности получить принципиально новые системы наблюдения, когда мы с помощью установки Хофманна из-под Якутии сможем пересчитать тараканов в Пентагоне, достаточно, чтобы рискнуть. А теория обещает не только системы наблюдения.

³ Конспирологическая теория – совокупность гипотез, представляющая некоторое отдельное общественно-значимое событие, или ряд таких событий, или ход истории в целом как результат заговора со стороны некоторой группы людей, управляющих этим процессом из корысти, амбиций или иных личных, групповых, клановых и др. интересов. Верящих в такие теории называют конспирологами

– Ладно, ладно, сдаюсь! – шутливо поднял руки несостоявшийся спорщик. – Кстати, поделитесь секретом. Откуда вы взяли этого сумрачного тевтонского гения?

– О, – усмехнулся Пётр Гаврилович, – мы с ним были знакомы ещё до объединения Германий. В восемьдесят девятом Ральф быстро сообразил, чем всё закончится, и с моей помощью перебрался под Новосибирск. И, кстати, не ошибся – сами знаете, как поступили американцы руками своих немецких друзей со всеми, кто имел хоть какое-то отношение к «Штази». А Ральф увяз по уши, особенно если вспомнить его неприязнь к евреям...

– А «Ника»?..

– Как раз то, чем он и занимался перед бегством. Нам повезло, что начальник института в восемьдесят девятом ушёл на пенсию, и на его место стали пророчить какого-то еврея. У Ральфа сразу разыгралась паранойя, что «Израиль охотится за его разработками». Потому он перед бегством и уничтожил все данные. Так что можно сказать с уверенностью – реализовать проект кроме нас не сможет никто. По крайней мере, в обозримом будущем.

– Ну, так уж и никто, – усомнился кто-то из гостей. – Любой известный результат всегда можно воспроизвести, вопрос затраченных средств и времени.

– Не спорю, – победно улыбнулся Пётр Гаврилович. – А для начала надо знать, что именно копировать. У нас же чистый случай, который двигатель науки: ошибка эксперимента плюс гений, понявший её значение. Мне говорили, что даже шанс на повторение таких же природных условий, как тогда под Магдебургом – что-то там с девятью нулями. А если добавить вероятность, что рядом окажется подобный фанатик физики, а в помощь ему найдётся такой же великий математик, как Михаил Янович Зарецкий... Думаю, если сохраним результаты в тайне по крайней мере сейчас – догнать нас не сумеют.

– Вот об этом я, кстати, и хотел поговорить, – вмешался генерал, который с первых дней «клуба» решал все вопросы секретности и шпионажа. – Мне не нравится, как активизировались британская и американская разведки. Мы, пользуясь моментом, сейчас неплохо чистим их агентуру на Кавказе. Потому остальная резидентура просто взбесилась, гонят операции «валом». Цель, конечно, понятна. Надеются «перегрузить» нас всяким мусором – чтобы крупная «рыба» успела залечь поглубже. Но вот из-за такого потока иногда случаются и неприятные успехи.

– Вы имеете в виду октябрьский случай насчёт «Бриза-М»? – поморщился хозяин дома.

– И его тоже. А если хоть куда-нибудь просочатся сведения о «Нике», вся эта возня вокруг космической отрасли покажется нам детским лепетом. Предлагаю, едва будет сдана первая очередь лаборатории, переселить туда сотрудников. В Москве оставим копию банка информации. Выберем маленький городок в Тюменской области, чужаков в таких местах видно сразу. Пустим дезу о разработке нового оборудования для «нефтянки» – это сейчас модно. Организуем прикрытие командировки и всё, что полагается. Да и контролировать утечку из одного места намного проще.

– А не боимся ли мы собственной тени? Ведь и сейчас вокруг всех задействованных лиц двойное кольцо охраны.

– Напомню старый анекдот: «Даже если у вас паранойя, это не значит, что вас не преследуют», – резко «отрубил» возражения генерал. – А кроме «помощи» наших американских «друзей», у меня есть поводы беспокоиться и здесь.

– Вы о «Призраках»? – удивился гость из администрации президента. – Полно, да существуют ли они? Ведь мы не нашли ни одного прямого доказательства.

– Да, – согласился генерал. – Полтора года назад, в сентябре девяносто девятого, мы почти зацепились. Увы, «хвосты» обрубали слишком грамотно, та встреча на Кавказе ничего не дала. Но вот поверьте старому коню, который ещё не испортил ни одной борозды – так не бывает. Слишком много у меня накопилось эпизодов, в которых всё выглядит очень естественно, правдоподобно до тошноты. Вот потому я и не верю, в жизни всегда бывают совпаде-

ния и случайности. А тут – как «по писаному». Уверен, работает какая-то мощная и профессиональная организация. Вот только кто? Явно не из-за рубежа, мои люди проверили. Но и в байки журналистов про «отставных патриотов из КГБ», простите, тоже не верю: наши «зубры» наперечёт до самой смерти. И даже после.

– Господа, предлагаю каждым делом предоставить заниматься профессионалам, – поспешил погасить спор Николай. – И если Захар Владиленович считает, что так лучше – думаю не нам, гражданским, с ним спорить. А пока предлагаю перейти к десерту. Не стоит обижать моего повара Матвея Константиновича невниманием даже к малой части его трудов.

По знаку хозяина дома сразу же вкатили две тележки с чашками и огромным тортом, напоминавшим тропический остров – и гости сочли, что на сегодня «клубные» разговоры можно считать завершёнными. А сейчас лучше отдать должное очередному шедевру хозяина здешней кухни: ведь несмотря на самые невероятные предложения, ни один столичный ресторан переманить старика к себе так и не смог. Поэтому не стоило портить вкус кулинарного чуда горькими привкусами дел и политики.

Глава 5. Гости съезжаются

Дверь экскурсионного автобуса с шипением наконец-то захлопнулась за последним пассажиром. Все с облегчением вздохнули: кондиционер быстро выгнал остатки июльского пекла. Наташа рухнула в своё кресло и зашептала подруге, также без сил растёкшейся на соседнем месте^

– Чувствую себя курицей-гриль.

Женя в ответ фыркнула. Ткнула Наташу пальцем в плечо – сарафан надела, а кожа вся белая. И прокомментировала:

– Это ты после поезда так. А вот приедем, будем валяться на пляже... Станешь погоду только нахваливать. Не турецкие курорты, где сейчас всего плюс девятнадцать.

Наташа пожалала плечами. Ну да, Поволжье второй год может летом поспорить, наверное, хоть с Египтом, хоть с какими-нибудь заморскими островами. Но они, вообще-то, в «Прометей-2004» не загорать, а заниматься приехали. Связвить что-нибудь на эту тему девушка не успела, так как подруга делано простонала на ухо:

– Натка, давай все разговоры «на потом»? Пока ты свой безразмерный чемодан в багаж упикивала, – Женя хихикнула: мама собрала подругу так, словно та на год уезжала, – я уже буклет посмотрела, – она ткнула в карман кресла перед собой, откуда высовывался синий уголок. – Ехать километров семьдесят. Успеем наболтаться. А пока лучше город посмотреть, когда ещё сюда попадём. На такси разоришься, автобусов нет. Да и программу обещали клёвую и много.

С идеей про расходы Наташа молча согласилась кивком. Нет, с собой, конечно, есть, у обеих родители небедные. На отдых подкинули не жмотятся... Размышления о финансах мгновенно повернули мысли в грустном направлении. Если подумать, кроме папиных денег у неё ничего нет. Талия далеко не осиная – очень уж девушка высоковата и крепковата в отца, как злословил один отверженный недоброжелатель «не модель, а за коровами ходить». Да вдобавок стричься предпочитает не модно, а удобно, тёмно-русая, лицо худое, ещё и нос горбинкой. Какому парню такая нужна? Женька, конечно, утешает, что всё не так страшно, но Наташа-то цену себе знает прекрасно. Особенно рядом с подругой: вот уж кто точно заткнёт за пояс любую фотомоделю, к тому же ещё и натуральная блондинка с пышным хвостом до лопаток. А у Наташи стоящего разве что мозги да стремление построить жизнь своими силами, а не папиной протекцией. Но это по нынешним временам неходовой товар. Женщины времён Некрасова и декабристов, которые «слона на ходу остановят, и хобот ему оборвут», нынче не в моде.

«Да и мозги, если разобраться, не такие уж замечательные, – окончательно подписала себе приговор Наташа. – Только своими силами и без папиных связей мы с Женькой в «Прометей» бы наверняка не попали. При таком-то количестве всяких победителей олимпиад и лауреатов студенческих научно-технических конференций на каждое место. В прошлом году сколько было? По четыре человека на место, а уж теперь... «Будущее России, её лучшие молодые умы».

А то, что «по благу» в лагере не меньше половины, да к тому же «эти» наверняка даже не пытались сделать конкурсные задания самостоятельно, а просто понадеялись на «предков», отравляло существование вдвойне. Хорошо всё-таки, наверное, Женьке – она воспринимает поездку просто как шанс побыть в шикарной тусовке. А вот Наташа так не может, особенно рядом с теми, кто пробился сам. Как, например, тот долговязый парень через два ряда кресел от них. Он ехал вместе с ними в том же купе – оказывается, жили в одном городе. На полтора дня девушка к огромному удовольствию получила замечательного собеседника, с которым можно поболтать хоть про исследования космоса, хоть о политике. И ни разу Саша не намекнул, что женское дело – тряпки, дети, кухня.

«Умный парень. Временами даже слишком умный, даром что младше на год. А ещё пробился своими силами. Не то, что я».

Наташа вспомнила, как на вокзале оба встречавших куратора уважительно пожали парню руку. Похоже, Саша из той десятки, про которую упоминали, что они единственные все конкурсные задания сделали на высший балл.

– Вдыхаешь по своему «ботанику»? – голос подруги прозвучал в самое ухо так неожиданно, что Наташа аж вздрогнула.

Быстрый взгляд за окно – точно, город закончился, пошли скучные одинаковые поля, разделённые лесозащитными полосами. И если бы не меняющиеся рекламные щиты – то яркие и новые, уговаривающие покупать какие-нибудь чудо-чипсы, то старые и облезлые, оставшиеся с последних президентских выборов – можно подумать, что автобус едет по кругу. Значит, кончились спокойные минуты, деятельная натура Жени теперь переключится на подругу.

– Так что? Уж не любовь ли с первого взгляда? – Женины глаза заблестели.

– С ума сошла! – поперхнулась Наташа.

Ну как объяснить, что всё дело в самой банальной зависти?

– Так на него смотришь... Как в автобус сели, глаз не оторвёшь. И чего в этом «ботанике» такого? Не качок, да и, прости уж, не красавец. Вот если бы ему плащик и волосы хвостом как на том плакатике, – вспомнила Женя висящий у неё дома постер из модного фильма «Ван Хельсинг», – тогда ещё ничего. Да и зовут по-дурацки – Сашенька. Тоже мне, Александр Невский. Только ростом тебе в самый раз...

На этом месте Наташа на Женю чуть не зарычала. Ведь знает же, как болезненно подруга реагирует на упоминание своих метра восьмидесяти пяти, но время от времени ляпнет не подумав. Разве что насчёт имени права – «Сашенька» для парня звучало слишком уж мягко, неподходяще.

Тем временем Женя, не обращая внимания на всё более резкие и едкие ответные реплики со стороны Наташи, всюю начала рассуждать о том, какой должен быть идеальный мужчина, как он должен себя вести и где его надо искать, особенно таким, как Ната. От серьёзной ссоры их спасло только то, что автобус проскочил посёлок со смешным названием Вырыстайкино и выехал к лагерю, остановившись на парковке метров за сто от ворот. Пассажиры тут же высыпали наружу, сопровождавший куратор – Наташа на всякий случай ещё раз посмотрела на бейджике имя «Андрей» – выбрался из автобуса последним.

– Уважаемые участники. Сейчас я покажу вам домики, где вы будете жить. Просьба взять у меня стикеры с именами и наклеить на багаж, чтобы персонал мог его доставить к месту проживания.

Толпа одобрительно загудела: сервис. Тут же возник небольшой водоворот, каждый хотел получить стикер и наклеить первым. Наташе даже пришлось ухватить Женю за руку – куда торопишься, затопчут. Лучше вместо кулачных боёв за наклейки осмотреть и обсудить место, где им предстояло прожить весь следующий месяц. На взгляд обеих подруг выглядело вполне ничего. Располагалось всё в живописной бухточке, с одной стороны лес, с другой – Волга. Причём до воды в самый раз, метров пятьсот – и пляж недалеко, и ночью холодом с реки тянуть не будет. Да и холмы на противоположной стороне заливыка наверняка неплохо защищали от ветра. Правда, сам лагерь выполнен «под старину» – сквозь ажурные кованые створки ворот хорошо видны бревенчатые домики внутри, да и ограда натянутыми на каркас стен и башен пластиковыми щитами имитировала «древнерусскую крепость». Но такова нынешняя мода, придётся терпеть эту вульгарщину, стиснув зубы. Тем более что Женю «крепость» очаровала. Даже Саша смотрел на постройку восхищёнными глазами.

Куратор спокойно дождался, пока всё утихнет, и отправился разводить всех по домикам. Оказалось, что сельской избой постройки выглядели только снаружи. Внутри же по пять современных двухместных номеров, каждый со своим отдельным выходом на улицу и сануз-

лом. Стоило переступить порог, как тело сразу налилось сладкой истомой – воздух подавали кондиционированный, всего двадцать градусов против уличных тридцати пяти. Женя, недолго думая, скинула босоножки и, раскинув руки, рухнула на кровать.

– Кра-а-асота. Жалко, телевизора нет.

Наташа села в кресло и насмешливо фыркнула:

– Мы сюда, вообще-то, заниматься приехали.

– Одно другому не мешает, – парировала подруга.

Тут в дверь раздался стук: занесли чемоданы. Женю мгновенно охватил энтузиазм.

– Значит, так. Быстро одеваться и наводить марафет. Ужин скоро, произведём впечатление на местное общество.

Наташа на это рассмеялась и быстро юркнула первой в душ, не обращая внимания на стук в дверь и гневную ругань подруги:

– Так не по-честному! Положено монетку подкинуть.

Их группа приехала последней, остальные участники прибыли на два дня раньше и давно перезнакомились. Женя, которая с людьми сходилась очень легко, мгновенно вписалась в компанию. Наташа же осталась в одиночестве, ведь и Саша исчез: в столовой его не было. Появился он лишь на завтраке, и выглядел парень совершенно не выспавшимся: глаза красные, хлопает ими как сова на свету, ничего не замечает. Наташа было кинула ему: «Привет». Саша буркнул в ответ что-то невразумительно, налил себе три чашки кофе, и сразу после завтрака опять куда-то пропал. Сердце резануло обидой: «И этому я не нужна. Ну да, при таком-то обилии смазливых мордашек».

Впрочем, через несколько дней Наташа была готова примириться и со всеми модными безвкусицами, и с шумными вечеринками, куда её несколько раз пытались затащить. И с холодностью Саши. Очень уж интересно оказалось в «Прометее». И лекции-семинары, которые вели известнейшие научные светила со всей страны, специально прилетевшие в лагерь, и разнообразные тренинги и интеллектуальные игры. Да и просто интересных людей нашлось очень много. Пусть все были разделены на секции по разным наукам, можно увидиться после обеда, в «свободные часы». Попадались, конечно, и откровенные бездельники. Но Наташа таких старалась избегать. И каждый вечер ругала Женю: вот уж кто не вылезал из «золотых» тусовок! Подруга в ответ соглашалась: «Сегодня последний раз»... И на завтра опять пропадала до часу ночи, а на занятиях зевала.

Интересно было бы пообщаться и с Сашей... Просто по-дружески. Но тот каждый день куда-то исчезал. Один раз она видела, как парень вместе с несколькими приятелями после обеда ушёл за ворота, и поспешила за ним – но отправились все пятеро не на пляж. Сразу за поворотом дороги их подобрала машина, и они куда-то уехали. Любопытство мучило страшно, но выяснить ничего не удалось. Впрочем, через несколько дней странный случай отошёл на второй план – в лагерь на целых две недели приехал вести занятия сам Андрей Иннокентьевич Лоскутов! Именно благодаря его книгам Наташа твёрдо решила выбрать химию как жизненное призвание. Упускать шанс пообщаться со своим кумиром девушка не собиралась. Да и жара слегка спала, так что послеобеденное время Наташа проводила на сонном пляже: будет обидно вернуться домой без нормального загара.

Но даже на пляже все мысли постоянно крутились вокруг академика Лоскутова. Как завязать с ним разговор, где, о чём спросить, чтобы не показаться круглой душой? Ведь не подсядешь же за обедом и не задашь же вопрос о том, любит ли он кофе? Но и беседовать о современных исследованиях где-нибудь по дороге на речку тоже глупо. Андрей Иннокентьевич наверняка не сбежит – но вот второй раз поговорить вряд ли удастся, нахалов и подхалимов никто не любит. А выглядеть такая «случайная» встреча будет откровенным подхалимажем.

Женя глядела на подругу странным взглядом. Та, похоже, двинулась умом, если даже на пляж начала брать с собой пару замурдёных книжек по химии и всё время что-то строчила

в блокноте, черкала и снова писала. Наташа не замечала ничего... Наконец, план беседы оказался готов и продуман до мелочей. Сердце, было, предательски ёкнуло. Но девушка тут же загнала страх как можно глубже. Это её шанс, и упускать его нельзя! Завтра за обедом она сядет за один стол со своим кумиром – и этот день наверняка переменит в судьбе многое!

Глава 6. Большая встреча

Встречный поезд за окном купе прогрохотал и стих, так что можно было снова говорить. И Наташа с жаром продолжила спор.

– И всё-таки, на мой взгляд, завышать военные расходы сейчас – это глупость. Что, у нас в стране других забот не найдётся? А у нас начали самолёты заказывать, танки, вон учения пошли одно за другим. Куча денег на ветер.

Александр пожал плечами. Не сошлётся же на доклады своих аналитиков, которые предрекают: конкуренты окончательно списали Россию как самостоятельного игрока, приготовились к её дальнейшему дележу. И самое большее через пять-шесть лет случится первая проба надавить военным путём. Наверняка понимают это и в новом руководстве страны, не зря спешно принялись вкладываться в армию.

– Ну, извини. Старая мудрость: кто не кормит свою армию, кормит чужую.

В это время с верхней полки свесилась Женя. Насмешливо посмотрела на подругу и её оппонента и поинтересовалась:

– Вам ещё не надоело? Из пустого в порожнее, как будто ваши споры хоть что-то изменяют? Мы в город въехали, выходить скоро.

Наташа невольно покраснела... На взгляд Александра, вышло очень мило. И вообще, приятная девушка, умная. В «Прометей» стоило пригласить даже без учёта веса её отца в областной администрации. Так что полтора дня в поезде пролетели быстро. Надо будет дать указание, чтобы на обратную дорогу билеты тоже взяли в одно купе... А подруга пусть окажется в соседнем или вообще в другом вагоне. Удобный повод и возможность поухаживать. Впрочем, так далеко заглядывать ещё рано. Слишком уж много дел накопилось. Генерал Гальба хоть и был блестящим тактиком, истинно стратегическое мышление в политике проявлял далеко не всегда. Поэтому некоторые планы требовалось корректировать немедленно, чтобы избежать серьёзных неприятностей через пять – шесть лет, когда придётся выходить из тени. Так что запросто окажется: адмиралу понадобится задержаться, и в родной город он вернётся не раньше сентября.

Из коридора раздался голос проводницы:

– Ульяновск, прибываем. Приготовьтесь на выход.

В дверь раздался стук, проводница заглянула, повторила:

– Прибываем, приготовьтесь, Ульяновск.

И ушла. Наташа тут же торопливо попыталась достать из рундука чемодан. Пришлось её останавливать:

– Наташа, ну не торопись ты так. Стоим больше часа, успеем. И не уедет автобус без нас. Девушка на слова попутчика опять порозовела, но суетиться прекратила.

Пятнадцать минут спустя Александр спрыгнул на перрон, помог спустить чемоданы и невольно поморщился: стоило только выйти из кондиционированного вагона, как рубашка мгновенно прилипла к телу. Увы, полностью закрытыми вокзальными комплексами с климат-контролем – нормой прежней жизни адмирала – в нынешнем времени могли похвастаться считанные столицы. В остальных городах приходилось вылезать сразу в пекло, рискуя получить по дороге к вокзалу солнечный удар или оставить каблуки в расплавленном асфальте. Наташа спускалась следом и приняла гримасу насчёт своего чемодана. Как девушка жаловалась ещё в поезде, стараниями заботливой мамы тот вышел совсем уж неподъёмным. С завистью посмотрела на парня, который взял с собой туристический рюкзак. Попыталась перехватить ручку... Александр с самым серьёзным видом поспешил её успокоить:

– Не дёргайся. И нечего девушке тяжести таскать, если мужчина есть.

Стоило войти в здание вокзала, как непроизвольно стало зябко: здесь воздух кондиционировался. Впрочем, через минуту ощущения пришли в норму, и Александр принялся нашаривать глазами встречающих. Двое мужчин с плакатом «Прометей-2014» ждали в углу. Встречающие стояли в одиночестве: похоже, адмирал с Наташей и Женей прибыли самыми первыми.

Адмирал Рот чуть кивнул сам себе. Судя по фотографиям в присланных досье, кураторами в назначенный для них автобус Гальба выбрал новое воплощение майора Северина и одного из лучших его учеников в Младшей смене. Да и в сопровождающих машинах наверняка будут сидеть вооружённые люди. И пусть кто-то скажет, что у Гая разыгралась профессиональная паранойя, Александр с заместителем был полностью согласен. Слишком часто за время его службы в отлаженный механизм операции вмешивалась песчинка случайности, и следом приходили неприятности.

– Наташа, Женя, нам туда, – и быстро зашагал, разрезая толпу.

Андрей узнал адмирала сразу. Старые друзья поздоровались, пожали друг другу руку. Но перемолвиться с Северином хотя бы парой слов не получилось. Объявили прибытие ещё двух поездов, вскоре начали подходить остальные участники. Их тоже надо было отыскать в толпе, организовать, погрузить багаж в автобус... Когда двери захлопнулись за последним пассажиром, и кондиционер выгнал остатки июньского пекла, Александр заставил себя уснуть. И пусть в поезде одним из главных занятий тоже был сон, лишний час не помешает. Особенно если точно знаешь, что следующие несколько месяцев отдыхать не придётся совсем: слишком много накопилось дел, требовавших личного вмешательства адмирала.

Тишина вместо ровного гула мотора заставила вырваться из липких объятий Морфея. Доехали. Когда Александр окончательно проснулся и выбрался из кресла, остальные пассажиры уже высыпали наружу, любуясь своим новым местом обитания. Кто-то при виде «древней крепости» сыпал восторженными возгласами, кто-то поругивал безвкусную имитацию. Александр присоединился к первым, хотя причина его восхищения и лежала в иной плоскости. Если откинуть бутафорию, строители умудрились воспроизвести лагерь разведчиков новых планет. Вспомнить, что на холмах по другую сторону заливы располагался штабной бункер – с минимальными усилиями оба объекта формировали полноценный укрепленный район, прикрывающий промзону с юго-востока и со стороны реки.

«Не иначе как у Гальбы опять плохие предчувствия разыгрались. Наверняка и реку втихаря заминировал, перестраховщик», – мысленно хмыкнул адмирал и пошёл вместе с остальными гостями обустраиваться.

Домик, куда поселили адмирала, только снаружи выглядел как все. Внутри жилой номер лишь один, остальное – небольшой конференц-зал для совещаний. Причём расположено здание близко к забору, так что через запасную дверь приходиться и уходить можно незаметно.

В конференц-зале уже ждал генерал Гальба вместе со штабистами.

– Здравствуйте, господа офицеры.

– Здравия желаем, мой адмирал, – хором отозвались остальные.

– Благодарю за службу. Присаживайтесь.

Рот сел во главе стола. Взял листок приказа, расписался и зачитал.

– Генерал Гальба назначается координатором...

Это была формальность – Гай в качестве первого заместителя адмирала устраивал, и все это знали. Но формальность важная: ведь одно дело слова, и другое – официальный приказ. Дальше тоже пошло сплошь утверждение приказов и решений. Бюрократическая рутинка, без которой не может функционировать ни один сложный социальный механизм.

Закончили всё быстро: документы были согласованы заранее, лишь два случая пришлось обсуждать. Вышли на связь и приехали новые специалисты, и Гай предложил сменить руководителей групп. В одном случае адмирал согласился, во втором сказал «нет». А дальше офицеры попрощались, Александр же остался читать материалы по текущему состоянию дел. Защищён-

ность линий связи двадцатого века оставляла желать лучшего, так что для завтрашнего брифинга слишком много секретной информации требовалось просмотреть на месте.

Оторвался от документов Александр только под утро, заставил себя вздремнуть хотя бы час-полтора. Ведь первую половину дня, прежде чем перед расширенным совещанием получится урвать часок-другой на сон, придётся старательно изображать из себя заученного «ботаника», восхищённого поездкой и знакомством со светилами российской науки. Скрыть зевоту за завтраком всё равно не получилось, хотя молодой организм после нескольких чашек крепкого кофе и справился. Но заинтересованные взгляды попутчиц Александр чувствовал на себе всё первую половину совместных заседаний. Да и в следующие дни Наташа несколько раз пыталась его поймать, явно собираясь предложить совместный вечер...

Александрю на порывы молодости оставалось только грустно улыбаться. В прошлой жизни начало Большой войны совпало с его сто тридцатилетнем юбилеем. В новом времени Роту всего девятнадцать... Сумма души и тела оказалась где-то посередине, лет на сорок. Пропасть возраста с двадцатилетней Наташей, поэтому её нынешние развлечения по дискотекам были давно не для него. Да и выкроить время поухаживать для собственного удовольствия не получалось совсем. В лагере, в столице области и в замаскированных цехах промзоны собрали всех, кого смогли отыскать. Пять тысяч человек... Людей всё равно не хватало. Как ни старалось обученное уже в двадцатом веке пополнение, практического опыта в технологиях будущего у них не было. И потому пришельцам из завтра приходилось работать на износ. Корпус психологов, как старшее поколение, так и младшее, каждый вечер спешно обрабатывали данные, чтобы составить психопрофили участников «Прометея» и скорректировать занятия на следующий день. За месяц нужно было получить точные «слепки» тех, кто окажет влияние на жизнь страны в следующем поколении. Военные занимались с подразделениями, торопясь хотя бы на макетах и тренажёрах передать боевой опыт и навыки обращения с новым оружием, которое вскоре сойдёт с конвейеров. А инженеры вместе с молодыми помощниками старались запустить производственные линии. Без отдыха работал и штаб в бункере под холмами.

– Итак, господа офицеры, – начал очередное совещание адмирал, – сегодня прошу подвести общие итоги.

– Служба разведки – в график укладываемся. Полные профили будут готовы через неделю, потом можно начинать выборочное программирование.

– Армейские подразделения – в график укладываемся. В следующем году, как только получим современное оружие, за две недели готовы довести подразделения до уровня, примерно соответствующего нормам ополченцев и резервистов довоенного времени. Этого хватит, чтобы выдержать лобовое силовое столкновение с любой из нынешних армий. Защитные системы промзоны проверены, насколько это возможно без подключения полноценного источника энергии.

– Техническая служба – в график укладываемся. Первая производственная линия работает. Вторая и третья готовы и ждут запуска главного реактора – двух термоядерных не хватает даже для пробного пуска. Ориентировочная ёмкость полного цикла до двух термоядерных реакторов в месяц или трёх «внутрисистемников» в год. Запасы сырья от шести до девяти месяцев.

Рот повернулся к старшему энергетiku:

– Господин Эрман, поясните, пожалуйста.

Полковник встал, и все невольно улыбнулись: вот уж наглядный пример о форме и содержании. В прошлой жизни это был невысокий, полный и нескладный человек, рядом с которым вечно терялись всякие мелочи вроде ручек и записных книжек – таким же он остался и здесь. Разве что стал моложе в несколько раз. Так же, как и там, мямлил и панически боялся высказываться на всякого рода собраниях. И становился нестигаемым железом, едва оказывался в родной стихии машин и реакторов.

– М... мы действительно отстаём от расписания. Почти...м... на неделю. Но этому есть объективные причины. Качество выполнения тэта-сердечников в нынешних условиях оставляет желать лучшего, потому... м... калибровка фокусирующих пар и заняла столько времени. Но в течение ближайших двух-трёх дней всё будет готово.

– Вы используете гиперреактор? А почему не гравитационный, это в планетарных условиях безопаснее? – раздался голос с противоположного края стола.

Рот слегка улыбнулся – Тамаш тоже не изменился. Разве что, родившись второй раз в Якутии, внешностью теперь напоминал уроженца окраины Свободных Миров. Один из величайших учёных Империи, частый эксперт на обсуждении различных военных новинок, автор теории времени. В конвое беженцев – главный инженер флагмана. Дисциплинированный на войне... и совершенно не понимающий иерархии за пределами сражений. Штабные совещания Тамаш всегда рассматривал как разновидность научной дискуссии⁴, где для выяснения важной детали разрешения «председателя» можно и не спрашивать.

– М-м-м... – ещё больше растерялся энергетик. – Дело в сроках. Мы рассчитываем заменить на гравитационный, как только будет запущен основной цикл производства. А пока и так пришлось упрощать внешнюю защиту. Нет-нет, – постарался опередить он следующий вопрос, – это безопасно. Я... Я в своё время интересовался, даже до теоретических разработок ещё больше двухсот лет. А первые эксперименты пройдут только через триста. Сейчас же даже сама идея о существовании субквантов противоречит всей теории физики. И даже если кто-то случайно заметит подобное явление, оно просто останется без внимания. Поэтому углублённую защиту от резонанса можно не ставить...

Следом пошли остальные доклады, но высидели их офицеры с трудом. Всем было ясно, что сегодня пойдёт обсуждение следующего этапа. Если в зале появился профессор Чарский – значит, он готов предоставить рекомендации. Когда после отчёта финансовой службы на трибуне появился профессор, атмосфера в зале уже была наэлектризована до предела.

– Итак, господа. Исследовательская группа закончила обработку, и я готов изложить результаты. Согласно нашим расчётам, для получения гарантированного необходимого воздействия, мы должны обеспечить резкий взлёт космических технологий, а также создать в ближайшее время ещё два политических полюса силы. Это предупредит череду кризисов, вызванных окончательным вырождением нынешней перекредитованной модели потребительской экономики. Для этого требуется появление в следующем году где-нибудь в Южном полушарии – предпочтительно в Австралии – технологии промышленного термоядерного реактора. Сразу после этого должна выйти из тени подконтрольная нам корпорация «Стелвия», а в России в течение следующего года осуществится строительство нормального космодрома. Тогда можно будет анонсировать для общественности разработку внутрисистемного челнока класса «Стриж». Самое позднее через пять лет от сегодняшней даты будет реализована программа первых лунных шахт. С учётом того, что в основной ветке истории они были построены лишь на сто восьмидесятом году информационной эры...

⁴ Рассказ «Дознание» (сборник «Кафе на лесной улице»)

Глава 7. Катастрофа – часть первая

Михаил Янович Зарецкий работал с Ральфом Хофманном пятнадцать лет, и до сих пор коллега не переставал удивлять математика. Немец был очень хорош собой, типичный «ариец» – хоть сейчас на плакаты Третьего Рейха. Молоденькие лаборантки вешались на него с недвусмысленными намёками с завидной регулярностью, а Ральф водить их к себе на ночь никогда не отказывался. Очень любил детей, каждый Новый год пропадал на праздниках – играл Деда Мороза в школах и детских садах... И в пятьдесят до сих пор ни разу не женат. В быту и повседневной жизни заядлый педант – в работе воплощение хаоса. Может произвольно менять график исследований, если в голову пришла оригинальная идея. Забывает где попало карандаши и листочки с записями, не помнит завтрашнее число и легко потребует начать новый эксперимент в выходной. Впрочем, персонал к такому стилю давно привычен. За исключением самого Михаила Яновича, который начинал работу вместе с Хофманном ещё в девяностых, остальные – вчерашние студенты и аспиранты, влюблённые в науку. Горят возможностью посмотреть за край, куда не заглядывал ещё никто в мире. Потому, когда последнее и самые сложные испытания были назначены на воскресенье тринадцатого июня, никто слова не сказал против.

В восемь утра воскресенья Михаил стоял в контрольном зале и зевал, глядя, как сидевшая в дальнем углу зала перед бронированным окном четвёрка лаборантов стучала по клавиатуре и дёргала джойстики манипуляторов, готовя оборудование к эксперименту. Через несколько часов остальные экраны, компьютеры и огромная видеостена на противоположном конце управляющей комнаты оживут, в воздухе повиснет гул разговоров и запах озона, два десятка помощников начнут обрабатывать данные, рассчитывать графики... А над всем этим будет аки Зевс-олимпиец возвышаться профессор Хофманн со своей неизменной трубкой. Курить на территории Центра нельзя, поэтому трубка всегда или выглядывает из кармана рубашки, или крутится в руках. Либо Ральф будет её грызть незажжённую – если эксперимент даст необычные результаты или что-то пойдёт не так. Сумасшедший дом начнётся ближе к полудню, а пока Михаилу делать нечего. Вот только многолетнюю привычку наблюдать за любым делом с самого начала никуда не выкинешь – и потому он здесь. Но спать всё равно хотелось... Михаил посмотрел на своё отражение в одном из экранов. Да-а-а, видок ещё тот: мешки под глазами в дополнение к лысине и наметившемуся брюшку красоты не добавляют даже в молодости, а уж к пятидесяти – тем более. Быстро кинув аккуратный взгляд на лаборантов, с головой ушедших в дело, Михаил отошёл к видеостене, где в обход всех правил в первый же день поставил столик и кофемашину. Даже пришлось выдержать «бой» с инженером по технике безопасности, мол, не положено. Но Михаил своё желание отстоял: в конце концов, он начальник и имеет право на маленькое нарушение. Зато теперь можно спокойно наслаждаться ароматным напитком, а не стоять над душой у операторов и не глазеть в окно экспериментального зала на установку. Да и смотреть там пока не на что – двухметровый металлический куб, крошечный с высоты третьего этажа. Вот когда включится эффект «мерцания» и за бронестеклом всё заполнят цветные миражи, сполохи и молнии – это действительно впечатляет. Если остаётся время смотреть.

Три часа спустя, вспомнив о желании «полюбоваться», Михаил усмехнулся – глупость от безделья. Установка впервые заработала в режиме радара на полную мощность, и потому сейчас на видеостене отображались данные с основных датчиков и карта, где медленно ползла красная окружность с цифрами километров радиуса. Внутри зоны охвата сразу же загорались значки обнаруженных самолётов и кораблей.

– Ну что, Михаэль, можно считать, что всё получилось? – Ральф показал в сторону одной из ЖК панелей на боковой стене, где в увеличенном масштабе отображался участок космоса

над Тюменью. – Вот этих двух спутников нет ни в одном каталоге, и даже наши военные о них не знают – а мы видим.

– Получилось. Только мне не нравится обратный прирост.

Михаил показал на монитор, куда выводилась картинка с камеры из помещений «разрядника». Устройство для поглощения энергии были вынуждены построить, когда через полгода после первых пусков неожиданно обнаружили «эффект обратимости» – установка сначала как губка впитывала электричество, а потом начинала отдавать. После того как первый макет взорвался, едва не разнеся в клочья лабораторию, глубоко под землёй смонтировали устройство «сброса». Там излишняя энергия тратилась на расплав чугунных чушек и создание искусственных молний.

– Ральф, поток растёт быстрее расчётного. Слишком быстро...

Договорить он не успел – одну из видеокамер залил ослепительный белый свет каскада молний, и почти сразу она вышла из строя. Поток обратной энергии вырос гигантским скачком, генератор молний не справлялся, а глыбы металла плавилась одна за другой с ужасающей быстротой.

– Расширяйте зону охвата на максимум! Начинайте эвакуацию всего незанятого персонала! – приказал Хофманн. Поймал растерянный взгляд Михаила и пояснил. – Сам знаешь, выключать сейчас – взлетим на воздух вместе с половиной города. Надо попытаться повисить расход энергии, тогда успеем...

Несколько минут тревожные столбики росли, обгоняя красную окружность, кадры из «разрядника» транслировали сплошные потоки огня и лавы расплавленного металла... Как вдруг один из операторов радостно закричал: «Прирост ноль!»

В это же мгновение за тысячу километров к западу в контрольном зале над главным реактором заревели тревожные сирены...

Заместитель перехватил Александра прямо на выходе из домика. Занятия для участников «Прометей» начинались с десяти утра, и обычно Рот шёл туда сразу после завтрака. Но сегодня вспомнил, что оставил папку с выполненными «домашними заданиями» от руководителя секции. Адьютант занёс бумаги вчера в разгар малого совещания с профессором Чарским и генералом Гальбой, так что Александр машинально положил всё в общую стопку текущих документов и тут же забыл.

– Адмирал. У нас оранжевая тревога. Машина уже ждёт у ворот.

В салоне автомобиля заместитель поделился скудной информацией, которая была известна на момент его отъезда из бункера.

– Реактор самопроизвольно перешёл в резонанс с положительной обратной связью. Предположительно из-за направленного волнового удара со стороны. Руководитель дежурной смены энергетиков вызвал аварийную смену из старшего поколения и объявил оранжевую тревогу.

Александр молча кивнул: всё понял, он согласен. По оранжевой тревоге штаб эвакуировался в центральный бункер, подразделения оперативного реагирования переводились в готовность один. Только откуда по промкомплексу могли нанести волновой удар? Техника двадцатого века на подобное неспособна. Из космоса тоже атаковать некому: по данным археологов будущего две расы предшественников людей в Галактике к третьему тысячелетию от Рождества Христова уже вымирают... И даже в самые активные годы до окрестностей Солнца никогда не долетали.

Машина обогнула залив и холмы, свернула с асфальта на боковую дорогу и сразу же захрустела гравием. Ради маскировки покрытие из бетонных плит засыпали подушкой из песка и щебня, имитируя просёлок. Вскоре показался щит^ «Частная собственность. Пасека «Шустрая пчела». Въезд запрещён». За ним простиралось огромное поле, где стояли ульи, вдалеке у самого холма приткнулся десяток домов: там жил персонал – на самом деле внешняя охрана бункера. А дальше трасса упиралась в склон. Перед машиной на несколько секунд кусок холма

приподнялся, открывая ворота, и тут же снова захлопнулся. В гараже адмирал выскочил, не дожидаясь, пока заглушат двигатель автомобиля. И вместе с сопровождающим побежал в центральный оперативный зал.

Адмирал прибыл самым последним. Видеостена была отключена, но полукруг из двадцати аналитиков напротив неё сидел на своих местах и отслеживал происходящее. Пятеро заместителей тоже уже расположились на возвышении в конце зала. Пустовали лишь кресла главного энергетика – полковник Эрман отправился к реактору, и генерала Гальбы – по оранжевой тревоге второй координатор уезжал в резервный командный центр на окраине Ульяновска. Александр занял своё место на подиуме, нацепил гарнитуру. Вывел на экран картинку из контрольного зала главного реактора и подключился к аудиоканалу, по которому посты информировали начальника смены.

– Стабильность?

– Реактор по-прежнему в резонансе. Положительную обратную связь удалось погасить.

– Продолжаю сбрасывать избыточную энергию в хранилище. Хранилище заполнено на шестьдесят процентов.

– Температура в реакторном зале в норме. Сверхпроводимость не нарушена.

– Пучок тэта-субквантов удалось временно зафиксировать в гравитационном коконе.

– Прогноз состояния: риск повторного срыва реактора в положительную связь – сорок процентов.

– Гиперлинза прогибается под воздействием гравитации. Разрушение линзы – двадцать минут. Стабильность линзы восемьдесят пять процентов. Восемьдесят. Семьдесят! Прогноз разрушения – пятнадцать минут!

В это время полковник Эрман заметил, что на связь вышел адмирал и коротко сообщил суть происходящего.

– Мой адмирал. Немодулированный источник тэта-излучения один мегаметр восток. Что-то странное, будто в одной установке запустили энергогенератор и масс-сканер, и направили пучок через линзу свёрнутого гиперпространства. Защитные системы такой дикий гибрид даже не увидели.

И тут же полковник отключился. Продолжил отдавать приказы подчинённым.

– Начинайте поляризацию субквантов. Дробление пучка через три новых гравитационных линзы диаметр треть базового. Фокус базовой линзы оставить прежний. Седьмой пост, дайте привязки новых фокусов.

– Линза один орбитальный телескоп над источником. Линза два наш реактор. Линза три в Тихий океан по блуждающей привязке.

Чтобы не мешать энергетикам наблюдением «через плечо», Рот отключился от реактора и вышел на связь с Гальбой.

– Гай, что скажете?

– Это невозможно, мой адмирал... Но судя по всему, разработки по теории гиперполя начались на триста лет раньше, чем нам известно. Я так понимаю, в нашем варианте истории всё закончилось взрывом и гибелью исследователей. А тут удар принял наш реактор.

– Согласен с выводами. Ваши действия, генерал?

– Я уже отправил под Тюмень лейтенанта Юргиса. Мой лучший специалист, к тому же в одиночку он сумеет всё выяснить, не привлекая внимания. Оперативная группа и группа силового прикрытия наготове.

– Не возражаю. И ещё. Будьте готовы при необходимости возглавить расследование лично.

– Слушаюсь, мой адмирал. Разрешите покинуть резервный центр? Необходимо подготовить внешние дела к моему возможному отсутствию.

– Не возражаю.

Борьба за выживание длилась больше двух часов, когда, наконец, удалось совладать с грозящей вырваться неподконтрольной стихией, и Эрман радостно доложил:

– Мой адмирал. Ситуация взята под контроль. В реакторе отрицательное потребление энергии.

Внутри пучков, образовавших неустойчивые в поле тяготения каналы, ещё шла свистопляска законов физики, но даже неспециалистам было понятно: минут сорок – и возникшие искажения континуума без поддержки извне распадутся, всё прекратится. Могло закончиться взрывом не хуже ядерного... Но энергетики свою задачу выполнили.

Такое же радужное настроение царило в лаборатории под Тюменью, где люди с облегчением почувствовали, как безжалостная рука костлявой перестала держать их за горло. Некоторое время ещё ждали – не изменится ли ситуация, не произойдёт ли новый скачок. Но едва стало понятно, что установка стабильна и исправно «пьёт» электричество со всё большей скоростью, Хофманн приказал отключать питание. После этого оглядел остальных, с удивлением посмотрел на обломки трубки в руках и громко произнёс:

– Ну что ж! Поздравляю всех с удачным завершением эксперимента.

– Это ты называешь удачным?! – взорвался Михаил. – Мы чуть не взлетели на воздух, и половина города вместе с нами!

– Не надо, Михаэль. Я согласен, всё прошло на грани. Но мы живы и получили такие уникальнейшие данные, про которые не могли и предположить. Я согласен, что следующий эксперимент надо проводить на полигоне и дистанционно. И только после того, как осмыслим...

– Следующий эксперимент!..

Какое-то время Михаил ругался, но увидев, что коллега его аргументы попросту не слышит, громко хлопнул дверью и вышел на улицу. Следом в задумчивости уехал домой и Ральф, бросив на ходу, что кое-что надо обдумать и ближайшие три дня его не беспокоить. Покидая лабораторию, оба ещё не знали ни об огненном шторме, который, сметая всё на своём пути, прошёл по орбите, ни о чудовищном цунами, ударившем по Тихоокеанскому побережью Северной Америки, ни о землетрясении в европейской части России и странном Туманном куполе, накрывшем Ульяновск и большую часть области. Также как оба не знали, что спустя шестнадцать лет подарят человечеству совершенно новую физику. Физику, которая сначала откроет путь к планетам солнечной системы, а потом даст возможность дотянуться до звёзд. История изменилась – Человечество сумело покинуть колыбель на четыре столетия раньше... Вот только для оказавшихся внутри Туманного купола пришельцев из будущего события на Земле уже не имели значения.

Часть II. Клетка

Глава 1. Катастрофа – часть вторая

Преддверие Судного дня, как потом называли это событие уцелевшие, для тех, кто был наверху, и для тех, кто пережил его в подземных бункерах, наступило по-разному. Генерал Гальба как раз вместе с охраной вышел из центрального офиса молокозавода и подошёл к автостоянке, когда его нагнала секретарша. Милана обнаружила несколько срочных документов, которые растяпа-помощница получила, но забыла положить в папку «на подпись», и побежала догонять директора. Гай поблагодарил, чтобы ветер не вырвал из рук листы, вошёл в домик-КПП. Попросил одного из охранников подвинуться, сел за стол... Это его и спасло.

На улицу, прямо в полдень и при абсолютно ясном небе обрушилась темнота. Куда гуще, чем в самую безлунную ночь при самом плотном облачном покрове. Про такую принято говорить «хоть глаз выколи». И в то же мгновение отключилось электричество. А ведь вся охрана была на автономном питании: здание хоть и располагалось на одном из центральных городских проспектов с нормальными линиями электроснабжения, на безопасности Гай предпочитал не экономить.

– Какого лешего? – успел ругнуться Гальба, потому что пропало даже то ощущение жизни, которое не исчезает в самую позднюю полночь на самой пустынной и заброшенной улице.

В углу стоянки, где была припаркована машина директора, раздался пронзительный визг шин, звук рвущегося в столкновении металла, истошные крики людей... Ударная волна взрыва заставила будку содрогнуться. Один из парней-телохранителей сшиб генерала на пол и закрыл собой, второй прикрыв Милану. КПП хоть и строилось с учётом криминального опыта девяностых в расчёте даже на обстрел, бронированные стёкла ещё одного удара могли не выдержать. Из окна замерцал багровый свет пожара. Гай машинально отметил: выживших в автомобильной аварии не будет. Попытался было спихнуть с себя телохранителя, но тут раздался подземный толчок, и парень вжал командира в пол ещё сильнее.

Дневной свет вернулся так же внезапно, как и пропал. Гай, наконец, сумел отпихнуть своего защитника, выскочил на улицу, остальные за ним... Все замерли. Угол стоянки пылал вонючим факелом измятого железа и воняющей плоти. Плотные клубы дыма закрывали улицу: в огне оказался грузовик, и теперь его груз начал гореть, выбрасывая сизую, воняющую химией непроницаемую завесу. Обращённую к стоянке стену КПП, как и бронестекло, посеколо обломками. Но домик охраны уцелел. Заводоуправление тоже – его спасла полоса деревьев. А вот водителю ещё одной «газели» из какой-то службы доставки не повезло: он собирался выезжать, стоял кабиной в сторону улицы, и железка снесла мужику голову. А ещё жидкое пламя горящего топлива уже ползло дальше.

– Огнетушители! – крикнул Гай. – Милана, беги в управление, пусть тащат огнетушители и песок! И позвоните пожарным.

Девушка мгновенно скинула туфли на каблуках и с места рванула к зданию. Трое охранников и телохранители уже вытаскивали огнетушители, спешно заливали огонь пеной. Гай достал сотовый телефон – тот выключился и не включался. Генерал кинулся обратно в будку, но и стационарные телефоны тоже не работали, похоже, авария была где-то на линии.

– Чёрт бы вас побрал!

Гай успел подумать, вспомнит ли Милана, что в сейфе его кабинета лежит коммуникатор по имперским технологиям. Затем бросил взгляд через окно на улицу: с другой стороны

КПП дым висел не так плотно. На пожар всегда собираются зеваки, может кто-то догадается позвонить... И замер, поражённый зрелищем.

Весь проспект был усеян мятыми железными коробками: словно на время темноты поток машин разом потерял управление. Везде метались люди, наверное, кричали – но шум со стоянки и хорошая изоляция КПП съедали все звуки. В это время земля снова задрожала. Новенькая кирпичная многоэтажка через дорогу зашаталась и начала развалиться, словно попала в эпицентр десятибалльного землетрясения. При этом все соседние дома были целы, стояли как ни в чём не бывало. Во все стороны градом посыпались осколки и обломки, добавляя хаоса и неподвижно рухнувших на асфальт людей. То ли без сознания, то ли мёртвых. Гай выскочил обратно на стоянку. За несколько минут, пока он пытался дозвониться, огонь почти затушили, к тому же из заводоуправления уже бежали заметившие пожар люди.

– Телефоны не работают! – крикнул Гай. – Дима! – схватил он за плечо чумазого от копоти телохранителя. – Лети в управление. Пусть из подсобки выгребают инструменты. Когда ещё доберутся МЧС-ники, надо срочно вытаскивать из машин людей. А то опять где полыхнёт, как здесь...

Договорить он не успел. С дальнего конца проспекта раздалось «бром-м-м», сметая машины и людей ровнёхонько вдоль проезжей части пронеслась ещё одна ударная волна. Вернувшийся солнечный свет подсветил сатанинский факел земного филиала ада: это загорелся газ из перебитой трубы, автоматика почему-то не сработала на отключение...

Под землёй в командном бункере всё выглядело иначе. На грани восприятия моргнули мониторы и экраны, переходя на резервное питание. И почти сразу от постов с поверхности, из города и из промышленного комплекса посыпались доклады.

– Аварийная остановка центрального реактора.

– Внешние линии электроснабжения обесточены.

– С Ульяновском нет обычной связи. Сотовая связь не функционирует. Прошу разрешения задействовать имперские системы без ограничений.

Внезапно профессор Чарский, который занимал с парой своих помощников самый край дуги аналитиков, запросил канал с кодом «Альфи-прим». Теперь его приоритет на запросы любому из имперцев уступал лишь самому адмиралу. В наушниках у Рота зазвучали дубли переговоров.

– Главному энергетiku. Данные по балансу энергии в реакторе и тэта-потокам за последние две минуты с шагом ноль пять секунды.

– Есть!

– Радарная. Начать наблюдение окрестностей в третьем, седьмом и двенадцатом диапазонах. Данные по седьмому диапазону пересылать в режиме реального времени. Остальные с интервалом одна секунда.

– Есть!

– Пост альфа-два. Как слышите? Приём! Альфа-два. Отзовитесь! Как слышите?

– Альфа два на связи! – в канале появился визг и треск,

Сидевшие в командном центре удивлённо поморщились: ни одно земное устройство помех в имперские системы связи дать не могло в принципе.

– Пост дельта-четыре. Как слышите? Приём!

– Дельта-четыре на связи, – в эфире те же помехи.

– Альфа-два! Начать движение, азимут ноль. Дельта-четыре! Начать движение, азимут двести. Что видите?

– Говорит альфа-два! Смещение полтора километра. Наблюдаю стену белого тумана.

– Альфа-два! Стоп! Назад на пятьсот метров, потом снова вперёд на пятьсот.

– Говорит альфа-два! При удалении на триста стена визуально исчезает, при приближении возникает снова.

– Говорит дельта-четыре! Смещение три километра. Наблюдаю стену белого тумана. Наблюдаю попытки грузовика марки КАМАЗ проехать сквозь неё, грузовик словно разворачивает.

– Радарная, азимут сто девяносто. Дайте данные наблюдения на частоте три и семь. Радарная, азимут сорок. Дайте данные наблюдения на частоте три и семь. Альфа-два – приблизиться и обстрелять стену из автоматов.

На несколько минут вернулась тишина, после чего Чарский снял гарнитуру и громко произнёс на весь зал.

– Поздравляю, господа. Мы в гиперсфере! – оглядев ошарашенные лица товарищей, продолжил. – Мы с вами повторяем, можно сказать, наших предков: попытка использовать принцип конгруэнтности опорных точек гиперпрыжка для поиска землеподобных планет. Хотя, – он вздохнул, – даже для зари звёздной эры перенос сразу целого мегаполиса и окружающих его пятнадцати тысяч квадратных километров явный перебор.

Видя, что остальные понимают его плохо, профессор вкратце принялся объяснять.

– Первые корабли двигались в гиперпространстве лишь по сигналам опорных маяков, а каждый полёт за радиус их действия стоил безумно дорого и зачастую не приносил результатов. Тогда и возникла идея – отправлять прямо с поверхности маяки, а уже по ним посылать экспедиции. Представьте себе резинку, которую растягивают. В какой-то момент она рвётся, половина летит в одну сторону, половина в другую. Кусок Земли перебрасывается на землеподобную планету, а вместо неё появляется такой же по площади кусок чужого мира. Только вместо резинки – пучок субквантов через гравитационную линзу. Как только пучок становился стабильным, установку отключали – вот вам резинка и порвалась.

Полноценной лекции не вышло. Едва уяснив суть дела, Рот тут же перевёл разговор на более насущные проблемы.

– Тамаш, насколько я тебя понял, гиперсфера захватила участок радиусом порядка семидесяти – девяноста километров от реактора?

– Да, – мгновенно загорелся центральный экран, где тут же высветилась карта. Красная клякса накрыла столицу области, пару городов-спутников и прилегающий к ним изрядный кусок территории с обеих сторон Волги. – Граница предварительная по показаниям радара, точность пять на десять в третьей метров. Что хуже, чем дальше от центра зоны – тем сильнее в момент формирования гиперсферы были микроскачки законов физики. Электроника двадцатого века этого не перенесёт. Начиная примерно с радиуса пятнадцать-двадцать километров от центра работающие P-N переходы разрушатся мгновенно. На складах выйдет из строя не меньше половины... Ульяновск как город, считайте, умер.

– Стоп, – адмирал опять прервал попытку Тамаша прочитать лекцию. – Гиперсферу выбросит где-то на большом расстоянии на кислородную планету? Где? Когда?

– Точно сказать не могу, – пожал плечами Чарский. – Кстати, вместе с огромным расходом энергии, это и стало главной причиной, почему методика сохранилась лишь в исторических архивах. Я тут посчитал градиенты, насколько успел – не меньше сотни парсек самое малое. И срок до контакта с планетой месяцев шесть локального времени. Хорошо хоть с воздухом и климатом проблем не будет, условие конгруэнтности поддержит на всё время...

– Подробности потом. Докладная на всё, что сможешь вспомнить и рассчитать. А пока... – Рот резко вздохнул, словно перед затыжным прыжком. – Код «красная тревога»! И обеспечьте мне канал связи с генералом Гальбой!

На несколько мгновений в командном центре повисла гробовая тишина: приказ адмирала означал, что имперцы немедленно «выходят из подполья». Но уже через несколько секунд оторопь прошла, и завертелся маховик чётко отлаженной военной машины. На территории «Прометей» и промышленной зоны всех посторонних собирали в сторону, чтобы не мешались. Тем временем свои, разобрав оружие, занимали посты по аварийному расписанию. Через

пару часов, когда застынет нагнетаемый внутрь полых стен ограды пластбетон, когда на башнях будут установлены пулемёты, закончится рытьё окопов, и будут выведены из «холодного» состояния плазмопушки промзоны – на берегу Волги появится укрепрайон, способный выдержать атаку целой армии. А в городе кварталы, где жили семьи, и находились имперские объекты, в это время брались под охрану патрулями и отрядами «младшей смены». Но самая сложная задача встала перед Гаем. Второй координатор должен будет отыскать в городском хаосе своего дядю и убедить его выступить посредником между имперцами и властями захваченного катастрофой куска Ульяновской области.

Глава 2. Граница будущего

– Нет, Пётр Григорьевич. Это вы меня, кажется, не так поняли. В области введено военное положение в связи с чрезвычайной ситуацией. И на этом предлагаю считать нашу беседу законченной, – генерал Белозёров почти ударил трубкой по аппарату, прекращая разговор. – Чёрте-чёрте, – в сердцах он высказал претензии закату за окном кабинета и устало откинулся на спинку кресла, – в городе и области конец света, можно сказать, а гниды уже лезут. Вот на х... я, спрашиваю, я им телефонную линию проводил?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.